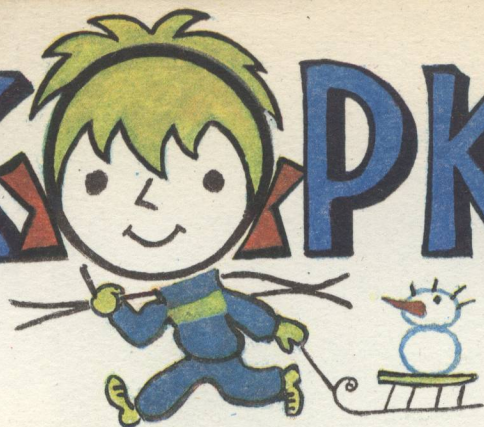

ИСКРКА

1 ЯНВАРЬ
1985

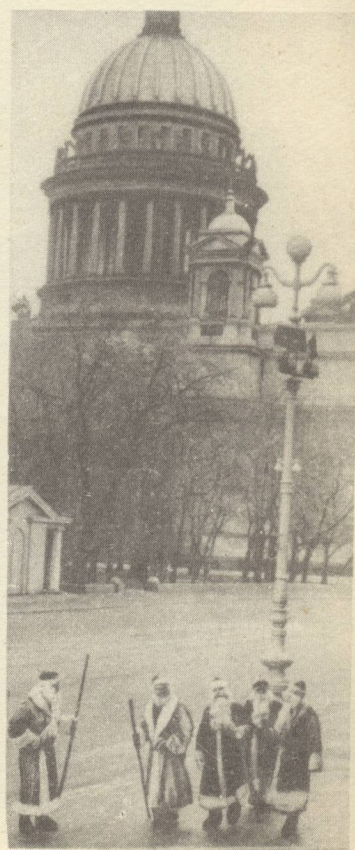
СПОРТ

С НОВЫМ
ГОДОМ,
ДОРОГИЕ
ЧИТАТЕЛИ!

В ОБЪЕКТИВЕ
ЛЕНИНГРАД

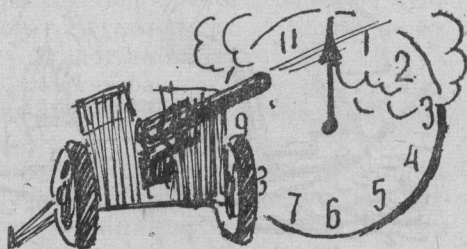
ИСКОРКА

1 ЯНВАРЬ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
Ленинские
искры:
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рис. К. Севостьянова

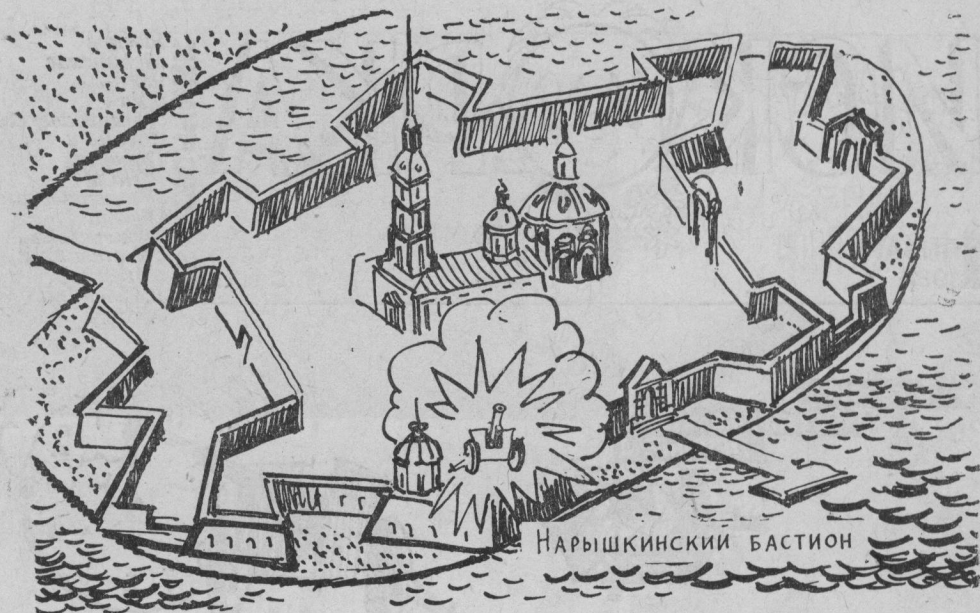
ПОЛУДЕННЫЙ ВЫСТРЕЛ

Сорок лет минуло с того времени, как шла у стен Ленинграда Великая Отечественная война, как гремели орудия, посылая на головы врагов снаряд за снарядом. Сейчас плывут над городом облака в мирном небе, и никто уже не прислушивается к голосу артиллерийских канонад. Но всё-таки каждый день раздаётся в нашем городе выстрел гаубицы. Вылетает из её 152-миллиметрового ствола пламя, и далеко над Невой разносится грохот.

Да, эта гаубица умеет стрелять замечательно! Всю войну сражалась она у стен Ленинграда, потом с боями прошла по трудным военным дорогам. Вернулась с победой. Одним боевым орудиям было уготовано место в музее. Иные пошли на переплавку — стали станками, тракторами... Так сказать, демобилизовались, перешли к мирному труду. А этой гаубице выпала другая служба: стоять на страже времени. Встала она на боевой пост, на площадке Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости, и каждый день ровно в 12.00 сообщает ленинградцам громовым своим голосом: «Бу-ух!» — что означает: наступил полдень!

Конечно, точное время можно сейчас услышать и по радио, и по телефону можно узнать — стоит только набрать «08». Но гаубица всё-таки стреляет, и выстрел её — не только точное время, но и старинная традиция нашего города. И ей, этой традиции, следует отметить две даты: 250 лет с того дня, когда поступило предложение обозначать выстрелом над Невой приход полдня, и 120 лет с тех пор как этот выстрел прозвучал впервые.

...Войско Петра I пришло на Неву вместе с пушками. Прогнали с её берегов захватчиков-шведов, начали строить город, а пушкам поручили сигнальную службу.

Первый губернатор города светлейший князь Меншиков прислал коменданту строящейся Петропавловской крепости приказ, как работать подкопщикам:

«Велеть ходить на работу как после полуночи 4 часа ударит, или как из пушки выстрелят...

...Быть на этой работе, покамест из этой пушки выстрелено не будет».

Передавали пушки и царские приказы. Грохотом своим оповещали вельмож, что «ныне ассамблея состоится», или повелевали им собираться в урочный час на своих малых судёнышках посреди реки Невы на парусные учения. Уведомляли пушки о наступлении «адмирального часа» — обеда; объявляли конец работам — «шабаш». Торжественно гремели пушки при спусках на воду каждого корабля, построенного на Адмиралтейской верфи, стреляли тревожно — если приближалось наводнение.

На случай наводнения существовали особые правила: как только вода в Неве поднималась на пять футов (чуть больше полутора метров), через каждые полчаса с Петропавловской крепости давался выстрел; достигал уровень в реке шести футов — стреляли через каждые пятнадцать минут; если же уровень воды переваливал за семь футов — пушки стреляли также через каждые четверть часа, но уже не одним, а двумя выстрелами. Это означало, что в городе наводнение.

Выстрелы над Невой оповещали петербуржцев о начале ледостава и ледохода, о праздниках и знаменательных датах. Но это ещё не были полуденные выстрелы.

Отмечать выстрелом пушки полдень предложил в 1735 году член русской Академии наук, французский учёный Жозеф Делиль. К тому времени на Васильевском острове уже стояло здание Академии наук, в его башенке разместилась первая в нашей стране астрономическая обсерватория, а Делиль был её первым директором.

На заседании в декабре 1735 года он рассказал академикам, что можно «дать каждому санкт-петербургскому обывателю способ, как правильно заводить по солнцу стенные и карманные часы». Способ

сей Делиль видел весьма простым: «Понеже находятся исправные меридианы в обсерватории, через которые всегда можно знать на всякий день прямой час, когда солнце придёт на полдень, также и через посредство верных часов можно всегда ведать прямой же час, хотя бы и не видно было солнца целый месяц: того ради надлежит однажды выстреливать из пушки точно в самый полдень, и для того надобно бы было приказать тем, которые бы умели стрелять с адмиралтейского бастиона, что против обсерватории, чтобы они на каждый день были готовы немного прежде полудня к выстрелу, в ту самую минуту, как даётся им сигнал...»

И впрямь очень просто: махнут из окошка обсерватории платочком и сразу — бух! — из пушек.

Академики согласились со своим собратом, сочинили пространный доклад и направили его для рассмотрения императрице. Доклад поступил в руки вельмож — Остермана, Ягужинского, Черкасского. Очень удивились вельможи «прихоти» академиков.

— Это ещё для чего из пушки палить? — рассуждали они. — Людей именитых, когда надо, и слуги разбудят, а людям подлым время знать и вовсе ни к чему...

Но, чтобы с академиками не ссориться, предложили вместо пальбы из пушки бить в большой колокол. Академики не согласились. Ответили, что с колоколом ничего, кроме путаницы, не выйдет: то ли это пожар и колокол бьёт в набат, то ли полдень объявляется...

И потянулись споры!..

Впервые полуденный выстрел прогремел лишь 6 февраля 1865 года. И уже не по сигналу из башенки здания Академии наук над Невой, а по точному приказу одной из крупнейших в мире Пулковской обсерватории. Она была открыта в 1839 году, располагала многими точными приборами, и учёные обсерватории сумели доказать, что полуденный выстрел для города необходим.

От Пулковской обсерватории протянули к городу одну из первых телеграфных линий. По ней на Центральную телеграфную станцию побежал электрический сигнал к одной из пушек батареи, стоявшей во дворе Адмиралтейства.

Почему во дворе, а не на бастионе? Да потому, что в 1865 году бастионов у Адмиралтейства уже не было. Перестроенное архитектором Андреем Захаровым, здание уже перестало быть крепостью, исчезли все его фортификационные сооружения. Места для артиллерийской батареи не осталось.

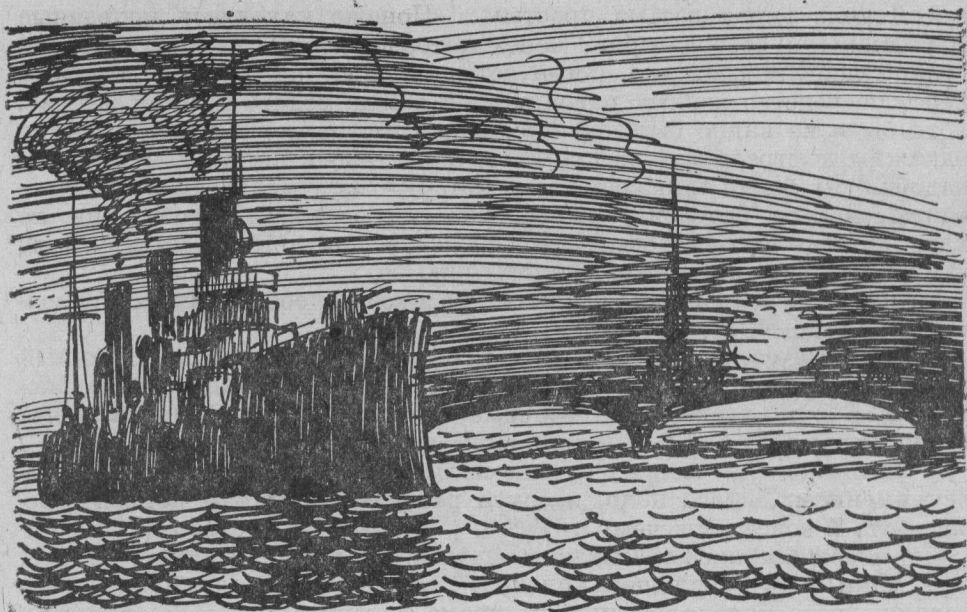
23 сентября 1873 года «полуденный выстрел» прогрехотал на левом берегу Невы в последний раз — пушки перевезли на правый берег в Петропавловскую крепость и установили на Нарышкинском бастионе. Первый выстрел прозвучал оттуда уже на следующий день — 24 сентября 1873 года.

В разные годы несли свою «часовую службу» разные пушки. Вначале это были старинные морские мортиры. Их сменили шувазовские «единороги». Следом за ними на Нарышкинский бастион были подняты пушки-трёхдюймовки образца 1902 года. Но город рос, звук выстрелов трёхдюймовок уже не достигал его окраин, и на смену им пришли пушки-шестидюймовки. Надо иметь в виду, что службу «полуденного выстрела» несла не одна, а две пушки: на случай если у одной произойдёт почему-либо осечка.

Каждый день грохотали над Невой пушки. А стояли они как раз напротив Зимнего дворца. И однажды ударили по дворцу!

Произошло это 25 октября 1917 года, в день штурма Зимнего.

В тот день город готовился к последнему решительному рывку

против старого мира — к свержению Временного правительства, за-
севшего в Зимнем дворце. Готовился к нему и революционный гар-
низон Петропавловской крепости. В царское время служба в этом
гарнизоне была очень тяжёлой. Когда грянула в Петрограде Февраль-
ская революция, один из артиллеристов, служивших при вестовой
пушке — Севастьян Замятин, от возбуждения даже схватил топор и
что есть силы треснул им по пушке! Всю свою ненависть к царизму
вложил он в этот удар. Пушка, понятно, от топора не пострадала —
лишь на ободке дула появилась вмятина... А в грозную октябрьскую
ночь именно эта пушка и выстрелила. Холостым зарядом. Такой ей
был дан приказ: вспышкой выстрела предупредить стоявшую за дву-
мя мостами «Аврору» о начале штурма. Комиссар крейсера А. В. Бе-
лышев увидел вспышку и скомандовал комендору Евдокиму Огневу:
— Носовое, огонь!

Уже после революции и гражданской войны учёные-историки и
музейные работники пытались найти эту вестовую пушку — сорат-
ницу выстрела «Авроры». Много лет поиски шли безуспешно... Но в
один из мартовских дней 1964 года забрёл в Петропавловскую кре-
пость старик. Долго ходил он по крепости, заглядывая во все зако-
улки, поднимался на бастионы. Чувствовалось, что старик знает кре-
пость хорошо. Потом он направился в Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи. Там его особенно за-
интересовала экспозиция «Русская артиллерия периода капитализ-
ма»... Ходит старик, к каждому орудию приглядывается, номера на
стволах читает. И вдруг видит: «5181». Неужели?! Даже руками на-
чал ствол пушки ощупывать. Есть! Вот она — вмятина на обрезе
дула от замятинского удара!..

Потом уже в дирекции музея старик рассказал, что зовут его Ва-
силием Николаевичем Смолиным, до революции он служил в гарни-
зоне Петропавловской крепости, долго был канониром-воспламените-
лем сигнального орудия. Вместе с ним в ту октябрьскую ночь были
ещё солдаты: бомбардир Афанасий Сколотнев, канонир и заряжаю-
щий финн Андрей Виллайнен... Уезжая, оставил старый канонир
свой адрес: «Город Великий Устюг, посёлок Дымково». В переписке
были уточнены многие детали того исторического выстрела. И если

вы сегодня зайдёте в музей, то легко сможете найти там орудие № 5181 — вестовое орудие Октября, реликвию нашей революции.

А полуденный выстрел звучал над Невой до 30 июня 1934 года.

Потом смолк. На целых двадцать три года. Посчитали, что он свою службу отслужил: в городе на сотнях домов висят часы, да и у взрослых людей почти у каждого они есть... Но как-то скучно было городу без вестовой пушки. И по просьбе трудящихся в канун празднования 250-летнего юбилея города Ленгорисполком принял решение возродить старую традицию морского города.

23 июня 1957 года полуденный выстрел прозвучал вновь.

Встать на «вахту времени» было доверено двум заслуженным орудиям. Оба они покинули заводские ворота в суровый час осенью 1941 года и сразу попали на огневые позиции Ленинградского фронта. Командиры-артиллеристы иногда передвигали их с одного участка обороны города на другой, но всегда за спинами их расчётов был Ленинград. Крепко довелось потрудиться им в январе 1944 года, когда наши войска пошли вперёд, громя, сметая ненавистное кольцо блокады. Пошли вместе с ними на запад и гаубицы. Сколько лет пронеслось, но до сих пор видны шрамы их «боевых ранений» — вмятины от осколков снарядов на стволах гаубиц, на колёсах!..

После Победы двенадцать лет хранились орудия на оружейном складе. А в один из летних дней 1957 года к ним снова пришли артиллеристы, внимательно осмотрели, потом прицепили к автомашинам и повезли. Орудия снова ехали по Ленинграду, но уже не на передовую линию фронта — им предстояло нести мирную службу «вахты времени».

Новый артиллерийский расчёт был сформирован в конце 1956 года. Составили его пять офицеров. Под стать орудиям все они были участниками Великой Отечественной войны, её ветеранами. Многочисленные боевые награды свидетельствовали, что артиллеристы самого мирного расчёта Ленинграда достойно громили врага в годы сражений.

Командиром сигнальных орудий Петропавловской крепости был назначен полковник запаса М. Кудрявцев. Воевал он под Брестом, Варшавой, Гданьском, службе в артиллерии Советской Армии отдал двадцать семь лет. Вошёл в орудийный расчёт старший лейтенант Ф. Стриков, стоявший со своими орудиями у Невского «пяточка» и дошедший вместе с ними до Берлина. На Ленинградском и Волховском фронтах сражался и капитан С. Семёнов, он также вошёл в расчёт. Нарышкинский бастион Петропавловской крепости стал самой долговременной огневой позицией в жизни этих артиллеристов. М. Кудрявцев и Ф. Стриков отдали полуденному выстрелу по двадцать лет службы.

...Приближается полдень.

За пятнадцать минут до него два дежурных артиллериста поднимают на бастион семикилограммовые заряды.

По радио звучит: «Говорит Москва! Передаём сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует двенадцати часам московского времени».

С последним коротким сигналом звучит команда: «Огонь!» и гремит выстрел.

Катится над Невой эхо. Гудят колокола-куранты Петропавловского собора, исполняя мелодию Государственного гимна СССР.

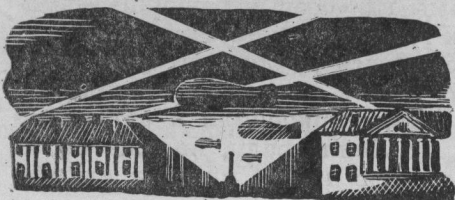
Полуденный выстрел!.. Он сегодня не только «часовой времени» — сегодня он ежедневный салют боевой славе города-героя, салют новым трудовым успехам ленинградцев.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

*Сорок первый — наш год призывной.
Небо стыло, и плавился снег.
День и ночь мы дышали войной
И в солдатах остались навек.*

*Пусть от нашей победной весны
Мирным строем проходят года —
Я ещё не вернулся с войны,
Я с войны не вернусь никогда.*

* * *

*Мальчиком ушёл я на войну...
Ветер белокурую волну,
Торопясь, погладил и повёл
На огонь лесов, пожары сёл,
На завалы, надолбы, ежи —
Смерти и бессмертья рубежи.*

*Листья падают,
Осыпаются,
Мухи белые
Просыпаются.*

*Побелели
К рассвету ели,
Словно матери
Поседали.*

*А метельные
Ветры свищут,
Их сынов
По России ищут,*

*Камень, бронза, яблоневый сад
Вместо многих мальчиков стоят.
Кровь, что пролилась, — деревьев сок
На лесных полянах, у дорог.
Верность и терпение — гранит,
На котором мужество стоит.*

*Бронзовая прядь на ветерке,
Меч из бронзы в бронзовой руке.
Трудно в этом воине признать
Сверстника-мальчишку. Только мать
Всё ещё роняет в тишину:
«Мальчиком ушёл он на войну...»*

* * *

*По России,
По белу свету,
И рыдают
На всю планету:*

*«Где вы, родные,
Молодые?..»
Иль почудилось
Это мне?*

*Иль деревья
Совсем седые
Вдруг напомнили
О войне?*

ПОЭТ И ВОИН

Первые стихотворения Анатолия Чепурова увидели свет, когда он ещё носил пионерский галстук. Это были годы, овеянные комсомольской романтикой первых пятилеток и героической борьбы интернациональных бригад с фашистами в Испании.

Любовь к поэзии привела Анатолия в аудитории Ленинградского университета, но учиться пришлось недолго — в июньский рассвет 1941 года фашистские стервятники напали на нашу страну.

Зрелость пришла стремительно — уже на следующий день войны он надел солдатскую шинель. Служил в дивизионной газете на Ораниенбаумском плацдарме. Воевал, писал статьи, очерки, стихотворения...

Вскоре дороги военных лет привели его к Невской Дубровке, где шли тяжёлые бои, а потом — на Волховский фронт. Здесь он был тяжело ранен. Дни лечения текли медленно, но как раз в госпитале он и создал свои первые стихи о войне.

Настал день, когда Анатолий Чепуров снова вернулся на фронт. Принимал активное участие в разгроме фашистов под Ленинградом, а потом с боями дошёл до берегов Дуная...

Кончилась война — и поэт вернулся в любимый город.

Поэзия стала для него самым важным делом. Его интересуют все стороны современной жизни. Недаром сегодня Анатолий Николаевич выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Однако он навсегда остался верен военной теме. О войне и мире пишет он и отдельные стихотворения, и целые циклы стихов, и поэмы... В них он делится с читателями печалью и радостями, восторгами и болями... Его лирический герой привык мыслить с размахом, жить делами поколения, страны, всей земли. Его поэзия борется за человечность, за доброту.

Риза ХАЛИД

* * *

И. Субботину

Угольками в золе
Звёздный свет отблестал.
На ничейной земле
Он упал и не встал.

Схоронили. Прошли.
И осталось со мной:
Нет ничейной земли
На своей, на родной.

* * *
Вдруг проснись — и, не включая света,
Сквозь ночную темь и тишину
Вижу сорокпмятное лето,
Сверстников, идущих на войну.

На крутых плечах — шинелей скатки,
Розовый пушок на меди скул.
Вон они идут — и от брусчатки
К тротуарам отлетает гул.

Сквозь июнь, пылающий сиренью,
Новотканой алостью цветёт
Знамя городского ополченья,
До сих пор летящее вперёд.

И под ним, врубая в мостовые,
Словно в вечность, уводящий след,
Всё идут, идут они, живые,
Молодые — девятнадцать лет...

Хлеб

*Мне лёгкого хлеба не надо,
Своими руками хочу
Исполнить всё то, что по праву
И, как говорят, по плечу.*

*Хочу, чтоб во мне не скудели
С годами запасы огня,
Чтоб люди рабочей закваски
Своим называли меня.*

*А что же касается хлеба —
То, как бы он ни был тяжёл,
Я с лёгким, распахнутым сердцем
Кладу его дома на стол.*

* * *

*«Давайте поклоняться доброте...» —
На кладбище военном, на плите,
Я прочитал и в жизнь унёс когда-то.
И лучевой строкой в моём труде
Вдруг стала эта заповедь солдата:
«Давайте поклоняться доброте».*

*Давайте с думой жить о доброте:
Вся в голубой и звёздной красоте,
Земля добра. Она дарит нас хлебом,
Живой водой и деревом в цвету.
Под этим вечно беспокойным небом
Давайте воевать за доброту.*

Рис. Л. Коломейцевой

Недавно в Ленинграде состоялась встреча советских и польских писателей — ветеранов войны.

Выступления участников ленинградской встречи стали машиной времени, неумолимо возвращавшейся в прошлое — на дороги войны, на Вислу и Одер, в сожжённые сёла, в города, превращённые в развалины, к могилам не доживших до Победы.

— Мы пишем и будем продолжать писать о войне, — говорили участники встречи, — чтобы новые поколения, выросшие под мирным небом, знали всю правду о величайшей трагедии, пережитой народами Европы в середине двадцатого века.

Сорок лет — много это или мало?

Для тех, кто покоится в сотнях тысяч братских могил, — это гораздо больше, чем их короткая жизнь.

А для живущих?

Пепел минувшей войны навсегда остался в сердцах тех, кому довелось пережить её. Память сердца неизгладима. В ней — щемящая боль воспоминаний и утрат, каждодневного тяжкого труда на фронте и в тылу, гордость за свершённое.

В мае 1945 года на руинах поверженного фашистского рейха солдаты уже думали о будущем, и первой их мыслью было: это не должно повториться! С мыслями о мире и счастье всех людей на Земле и сегодня живут народы Польши и Советского Союза.

Отмечая 40-летнюю годовщину освобождения Польши от фашистских оккупантов, мы предоставляем слово ветерану войны ленинградскому писателю Александру Ивановичу Шалимову. Его военные дороги прошли по Польше, через Варшаву.

А. ШАЛИМОВ

Рис. Л. Епифанова

ПЕПЕЛ ВОЙНЫ

Пепел войны... На берегу Вислы я впервые ощутил его как физическую реальность.

Над безмолвными чёрными руинами Варшавы догорал бледный январский закат. Темнеющее небо закрывали низкие, с синим отливом тучи. Лишь на западе у самого горизонта светились две жёлто-алые полосы — то ли последний отблеск невидимого солнца, то ли зарева далёких пожаров.

Мы молча всматривались в тёмный западный берег Вислы, где затаился враг, но оттуда доносились только порывы ветра. Один, другой... Ветер нёс запахи гари и тления — под развалинами мёртвого города ещё с осени лежали тела погибших во время восстания. Ещё ветер нёс тонкую серую пыль. От неё сразу запершило в горле...

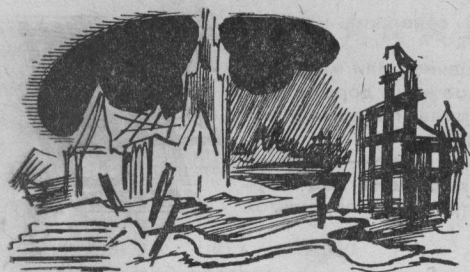
— Пепел Варшавы, пане капитане, — хрипло сказал мой спутник — подпоручик Ян Новак, — чувствуете горечь? Как ветер оттуда, так пепел. Сколько его там! — Он вздохнул.

Ян Новак — ещё месяц назад курсант артиллерийского училища в Хэлме и мой ученик, а ныне топограф одной из дивизий Первой польской армии, куда я прибыл в качестве представителя Главного штаба, — уже несколько часов водил меня по полосе, занимаемой дивизией: он демонстрировал карту, которую в последнее время исправлял. Листы карты с его исправлениями и засечёнными целями должны были получить полки дивизии перед началом наступления, которого все ждали.

Быстро темнело. Ветер усиливался и продолжал нести пепел с западного берега реки.

— Хорошая работа, Янек, — сказал я, имея в виду его карту. — Впечатывай быстрее твои исправления. Помогут и пехоте и артиллерии.

— Там маловато данных, пане капитане. — Он указал на запад. — Километров пять-шесть, не больше. А дальше как?

— Продолжишь во время наступления.

Мы оба взглянули на запад, где краски заката не только не бледнели, а словно бы разгорались.

— Не похоже на зарю, — сказал я. — Это пожары. Как думаешь, где?

— Это уже за Варшавой. Может, в Прушкове? — Он вздохнул.

— А на карте где?

Он покачал головой:

— Нет на карте. Это далеко. Километров двадцать пять—тридцать отсюда. Карта ближе кончается.

Он коснулся пальцем западной рамки карты, которую держал в руках, и снова вздохнул.

— Прушков, что за место?

— Был городок небольшой и станция; теперь не знаю. — Он закурил пухлые мальчишеские губы. — Мой город, пане капитане. Родился я там и жил до войны. Оттуда мы с братом от швабов драпанули в тридцать девятом.

— А родители?

— Там остались. Если там что осталось... Отец на железной дороге работал.

— Может, скоро увидишься. Уже недолго...

— Я знаю.

Мы оба знали, что недолго. Все знали... Фронт застыл на Висле с осени. Войска 47-й армии и части Первой польской дивизии пехоты имени Тадеуша Костюшко освободили Прагу — правобережную часть Варшавы — ещё 14 сентября. Но дальше наступление приостановилось перед новым броском на запад. Его надо было основательно подготовить. Теперь подготовка подходила к концу. Военные топографы знали об этом лучше, чем

кто-либо; они готовили основу будущего наступления — топографические карты.

Перед моим отъездом из штаба дивизии, когда мы прощались с Яном Новаком, он вдруг сказал:

— Может, сейчас и не попаду в Прушков. Кто знает, как получится... Может, вы, пане капитане, случайно там будете. Наш дом недалеко от вокзала стоял. Улица Вокзальная, девять. Отца Казимиром звали. Зайдите... Мои рады будут. Или после войны...

Увы, Ян Новак не дошёл до своего Прушкова. Он погиб при освобождении Варшавы в один из январских дней 1945 года. Военные топографы тоже гибли в войну...

В Прушкове я побывал уже после войны; привокзальный район этого маленького городка был так разрушен, что не удалось разыскать даже места, где мог стоять дом Новаков. Я так и не смог узнать, что стало с родителями Яна и его братом. Новак — фамилия очень распространённая в Польше. Часть жителей Прушкова фашисты ещё во время войны угнали на запад, а потом через Прушков прошло более полумиллиона варшавян, изгоняемых немцами из восстановленной Варшавы. Именно в Прушкове в конце 1944 года был создан промежуточный лагерь для интернированных поляков. Здесь перемещалось около 650 тысяч человек. Найти какие-либо следы в этом людском потоке оказалось невозможным.

Когда 17 января 1945 года мы вошли в освобождённую Варшаву, она казалась мёртвой. В море руин невозможно было понять, где были улицы, а где некогда стояли дома. Застывшие волны битого, обожжённого кирпича расстилались перед нами.

Американский журналист, посетивший Варшаву вскоре после освобождения, писал: «Хотите представить, как выглядит то, что было Варшавой? Возьмите кирпич, разбейте его на мелкие осколки и вообразите пятьсот миллионов раз-

битых кирпичей. Это Варшава сегодня. Ей уже не подняться из руин. Полякам надо подумать о перенесении столицы в другое место — может быть, в уцелевший Краков».

Решение правительства народной Польши о восстановлении Варшавы было принято в те самые дни, когда на Западе одно за другим появлялись подобные высказывания. Откуда почерпнул польский народ силы для выполнения решения, казавшегося тогда фантастическим?

Понять это, может быть, в какой-то мере позволяет следующий эпизод.

В июне 1945 года, месяц с небольшим после окончания войны, мне довелось ехать из Торуня, где я тогда служил, в Варшаву. Железные дороги только ещё восстанавливались, поезда ходили плохо, и к Варшаве мы подъезжали уже поздно вечером с большим опозданием. Моим спутником был кадровый польский офицер, человек с нелёгкой судьбой, участник обороны Варшавы ещё в 1939 году. Войну он провёл в плену, был освобождён частями Советской Армии осенью 1944 года, сразу же вступил в возрождённое Войско Польское и служил командиром учеб-

ного дивизиона в том же артиллерийском училище, в котором довелось служить и мне. Человек это был сухой, суровый, замкнутый; очень требовательный к себе и к курсантам. Он был хорошим строевым командиром, но мне казалось, что его ничто, кроме службы и выполнения уставов, не интересует. Впрочем, я знал, что во время войны и оккупации в Варшаве погибла вся его семья. По пути мы с ним говорили о разном, но всё это были темы, связанные с работой в артиллерии.

По мере того как приближалась цель нашей поездки, мой спутник становился всё молчаливее, а когда за окном в темноте замелькали редкие огоньки окраин разрушенной Варшавы, замолчал совсем. Поезда с севера приходили тогда на Восточный вокзал правобережной части Варшавы, и наш поезд долго тянулся через тёмный, разрушенный и, казалось, покинутый город.

Мой спутник открыл окно и высунулся в темноту. Он был очень взволнован, руки его дрожали. Никогда раньше я не видел его таким... Это было волнение встречи с городом, который он любил, с городом, который тогда ещё не начал подниматься из руин и казался умершим. Я увидел слёзы на глазах этого человека и услышал его тихий шёпот:

— *Miasto ukochane, Warszawa moja...* (Варшава моя! Любимая моя Варшава!)

Эпизод, казалось бы, небольшой, но он объясняет причину решения народа и правительства народной Польши — восстановить столицу именно там, где она была раньше, восстановить город, разрушенный войной, и восстановить Варшаву такой, какой она была раньше, и даже сделать её ещё прекраснее.

И это решение, эта мечта стала явью послевоенных десятилетий.

Варшава сейчас — один из прекраснейших городов Европы, Феникс, возрождённый из пепла войны.

МАЛЕНЬКОЕ ИНТЕРВЬЮ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мы считаем, что новый — 1985-й — год начался для «Искорки» удачно — наконец-то мы сможем удовлетворить многочисленные просьбы наших читателей! — журнал уже в первом номере начал печатать новую повесть Николая Внукова «Голубое стекло». Читательская любовь к произведениям Николая Внукова так велика, что они просят, «если у писателя нет ничего новенького», ещё раз, повторно, напечатать в «Искорке» уже однажды напечатанные повести: «Фотография Архимеда», «Том Сойер — разбойник» и особенно «Слушайте песню перьев».

Сегодня Николай Андреевич Внуков у нас в гостях, и мы пользуемся случаем, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Николай Андреевич, ваша новая повесть «Голубое стекло» — опять о вашем детстве. Почему вас так влечёт в эти годы? Наверное, не случайно? Недаром критики называют вас «вечным мальчишкой» и даже «гвардии мальчишкой».

— Почему опять о собственном детстве!

Я считаю, что человек как раз в детстве и формируется. Мне было лет десять, когда я по-настоящему начал разбираться в том, что происходило в моей стране и в мире. А тогда происходило множество интересных вещей, которые в дальнейшем повлияли на мою жизнь. Например: Николай Островский выпустил роман «Как закалялась сталь». По всей стране началось стахановское движение. В Москве была пущена первая очередь метрополитена. На экраны вышли кинофильмы «Чапаев» и «Юность Максима». Замечательный лётчик Валерий Чкалов был награждён орденом Ленина. И все мы — школьники — радовались успехам нашей страны, по двадцать раз смотрели «Чапаева», стремились быть похожими на Максима и на Чкалова. Мы учились быть настоящими гражданами своей страны.

— Вы пишете о своём детстве. А сегодняшние ребята похожи на тех, что жили в 30-е годы, перед самой войной?

— И да, и нет.

Современные мальчишки и девчонки больше знают, чем знали мы. Для них слова «космос», «галактика», «луноход», «орбитальный спутник» — самые обычные. А мы тогда таких слов даже не слышали. У теперешних ребят есть прекрасные Дома пионеров, спортивные лагеря, магазины «Юный техник», множество хороших и интересных книг. В 30-е годы всё это только начиналось. Даже драмкружок в школе был огромным событием. А каждую новую детскую книжку мы буквально рвали друг у друга из рук.

Зато наши увлечения были интереснее, сильнее. Мы не увлекались, как некоторые теперь, тем, чтобы иметь электронные наручные часы новой модели, модные джинсы, кроссовки и кофр на длинном ремешке через плечо. Мы всё пытались сделать своими руками, до всего дойти своим умом. Мы стремились поскорее стать полезными своему народу. И когда грянула война, мы уже многое умели делать, и это умение нам очень пригодилось в Красной Армии и после войны, когда нужно было восстанавливать разрушенное. Мы стали взрослыми раньше, чем становятся ими теперешние ребята.

— Вот вы опять вспомнили о войне. Вы по-прежнему будете возвращаться к этой теме?

— Конечно. Война оставляет след почти в каждой моей книжке. И в этой повести тоже.

Война — это самое страшное и дикое из всех дел, выдуманных человечеством. И чтобы её никогда не было на Земле, нужно всё время показывать, к чему она приводит.

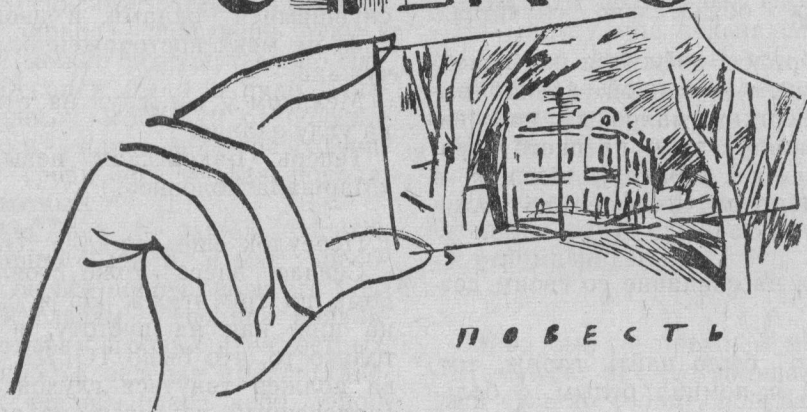
— И последний вопрос. Герой вашей повести смотрит на своё далёкое детство через голубое стекло. Почему стекло голубое, а не розовое, или золотистое, или зелёное?

— Голубой цвет — всегда цвет надежды, цвет чистого неба и мечты. И — мой самый любимый цвет.

✱ ✱ ✱

Николай
Внуков

ГОЛУБОЕ СТЕКЛО

П О В Е С Т Ь

Я распахнул окно гостиничного номера и поставил локти на подоконник.

Внизу подо мною открылась площадь, выложенная светло-серыми бетонными плитками. За площадью стояло красивое здание драматического театра. А перед театром на высоком пьедестале стояла Мария, принцесса горская и царица всея Руси, вторая из восьми жён Иоанна Грозного.

Я не помнил ни театра, ни площади, ни Марии...

Тогда здесь был просто пустырь, поросший птичьей гречихой, ровный хороший пустырь, по которому мы гоняли на велосипедах и на котором вечером разжигали костры. И улица, рассекавшая площадь надвое, называлась совсем по-другому — Степная.

И дома вдоль Степной были совершенно другие — одноэтажные, под красными черепичными крышами, с зелёными или голубыми ставнями, с дворами, закрытыми глухими заборами, через которые пе-

ревешивались ветви, согнувшиеся от тяжести яблок и груш.

Я не узнал вокзала, когда вчера сошёл с поезда на перрон. Не увидел нашей третьей школы, которая стояла на отлёте в самом начале Степной.

Я шагал со своим чемоданом по чужой улице. Незнакомые деревья стояли вокруг. Не те автомашины пробегали мимо меня. И лица людей, идущих навстречу, были совсем не такими, как тогда...

Я отвёл глаза от театра и от Марии и взглянул поверх крыш домов.

Горы.

Их с детства знакомый излом стыл над городом. Они были похожи на груды расколовшихся и упавших на горизонт облаков. Те же снеговые уступы, те же тени и трещины на плоскостях склонов. В этот час утра они были точно такими же, как тогда, когда я бежал по улице в школу, перебрасывая из руки в руку тяжёлый портфель. Ветерок, текущий от них, хо-

лодил щёки, розовели под солнцем белёные стены домов, и впереди меня ожидал день, полный чудес. Да что там день — вся жизнь ждала меня, ещё неизвестная, золотистая и свежая, как утро.

Странно ощущение пробежавших во мне пятидесяти лет.

И так тревожно ожидание того, что должно случиться сегодня.

Что-то обязательно случится...

Я побрился, поёжился под холодным душем в ванной, крепко вытерся жёстким махровым полотенцем, выпил стакан крепкого горячего чаю из термоса, толкнул в шкаф чемодан и вышел из гостиной.

Я шёл на свидание со своим детством.

Нужно было найти гараж, тот, который я помнил белым, с большими воротами, откуда выезжали горкомовские автомобили и около которого всегда желтели большие кучи песка, чистого и прохладного на ощупь, когда я зарывал в него руки. Гараж стоял на краю площади, в самом начале улицы, которая называлась Баксанской. Улица падала потом с бугра и убегала к виноградникам. Там, почти у самого селения Кенже, мой дядя перед самой войной построил дом.

Гаража не было.

Дома кругом были незнакомые. Только один, розовый, что-то напоминал мне. А когда я прошёл через низкую арку во двор, то вдруг увидел те три знакомых переплёта рам на третьем этаже, от которых замерло сердце...

Но раньше посреди двора торчал медный водопроводный кран на выросшей из земли трубе, под краном стояла железная бочка, всегда полная до краёв. И я никогда не мог налить из крана полное ведро, потому что приходилось отодвигаться от бочки подальше, чтобы вода, хлынувшая через край, не залила ноги.

Теперь крана не было.

Теперь во дворе росли каштаны — пять крепких деревьев, поднявших лапчатые листья до половины высоты дома, а там, где раньше торчал кран, на высоко взбитой клумбе горели тёмным огнём махровые головы пионов и наливались тяжёлым цветом их ещё не раскрывшиеся могучие бутоны.

Чужая жизнь проходила за проснувшимися окнами, и двор смотрел на меня настороженно, как на чужака.

Мельком я взглянул на табличку на углу здания.

Теперь Баксанская называлась «Маршала Головки».

Переулок ещё лежал в тени.

Сейчас здесь тоже стояли два дома по три этажа. Но я смотрел на них, как на пустоту, я видел только то, что было ТОГДА. Справа должен тянуться глухой забор, сколоченный из серых от времени досок. Вдоль забора щетинилась трава и росли прекрасные лопухи с замшевыми, мятно пахнущими листьями, которые сочно отламывались от толстых стеблей, вытягивая на изломе упругие, как проволоки, сухожилия. Я делал из листьев шляпы, скалывая края палочками, или накидывал огромный лист на плечи, как пелерину, а потом шёл и шёл, почти до конца забора, где в плохо пригнанных досках открывалась большая щель. Я присаживался около неё на корточки и заглядывал в мир, запретный для всех.

Уже не помню сейчас, что было за забором — то ли какой-то склад, то ли просто пустырь, на котором доживали свой век ломаные машины. Но это был мир, полный тайны, тишины и вещей, которых у меня никогда не было. Там, среди высокой травы, валялись лысые покрышки, зубчатые колёса с рыжими пятнами ржавчины и чёрным налётом загустевшей смазки, похожей на нагар. Там узкими змейками вилась в траве проволока, из которой можно было делать шпаги

или вилки для катания колёс, или крючки, чтобы нагибать ветки яблонь.

Там можно было найти старую велосипедную раму с рулём или клаксон с потрескавшейся и затвердевшей от времени резиновой грушей и чудесным никелированным рожком. Но лучше всего были стёклышки.

Деревянные полуразбитые ящики с осколками стёкол стояли у самого забора — просунешь руку в щель и можно дотронуться до любого. Осколки были в виде длинных полосок — обрезки от большого стекла — или в виде треугольников, и среди них иногда попадались цветные.

Помню, как я нашёл красный, густо-винового цвета, и как преобразал он всё вокруг, если его поднести к глазам. У солнца появлялось четыре багровых луча, острых, как копья, а зелёная трава становилась чёрной, синее небо приобретало зловещий грозовой оттенок, и лёгкие облака на нём превраща-

лись в плотные красные глыбы, оглаженные ветром.

Я находил жёлтые и зелёные осколки, но почему-то мечтал о синем, не о том густом синем, который превращает день в лунную ночь, а о светлом, почти голубом.

Я никогда ещё не смотрел на мир через голубое стекло, и мне трудно было представить себе, каким он станет, когда я поднесу к глазам этот волшебный фильтр.

На минуту мне показалось нереальным то, что открылось дальше. Я закрыл глаза и снова открыл их и наконец поверил.

Что-то изнутри подсказало: «А почему так не может быть?»

Да, почему, в самом деле? Ведь пятьдесят лет, в сущности, не такой уж огромный срок...

Забор был на прежнем месте.

Пятьдесят лет его поливали дожди и сушило солнце, обдувал ветер с гор и засыпал снег, над ним пролетали птицы и самолёты, прогро-

Нил Гилевич

ЗАГАДКИ

Перевёл с белорусского Илья Фояков

Рис. Г. Ясинского

Аленькое тельце,
Каменное сердце,
Сладка, вкусна —
Да кто ж она?

Он в лесу, среди травы,
Встал на диво свету —
Шапка есть,
А головы
Не ищите,
Нету!

Сначала колотят,
Потом ублажают,
Потом — на лопату
И в пекло сажают.
И вновь его гладят,
И вновь его нежат,
И реут на кусочки,
И щиплют, и режут.
За то его нежат,
И режут, и лупят,
Что всем-то он нужен,
Что все его любят!

(вншид)

(9ид1)

(Xег6)

хотала война, а он стоял, всё так же отгораживая от чьих-то желаний мир тайны и недоступности. Могут же лежать на одном месте камни, не вращаясь в землю, из которой они вынуты, не растрескиваясь и не меняясь столетиями.

Я подошёл к забору и потрогал его рукой. Сухие доски, слегка шелковистые от размякшего сверху слоя древесины, показались мне тёплыми. И всё так же щетинилась вдоль забора трава и поднимались среди неё мягко-зелёные лопухи с серебряными головками, заткан-ными тончайшей паутиной.

Я двинулся вдоль забора, всё время ощупывая его рукой, как будто боялся упустить этот островок прошлого. Странно, доски казались такими же прочными, как и тогда, когда я охотился за стёклышками. Правда, в нескольких местах они были сломаны в верхнем ряду, но может, так же они были сломаны и тогда. Я удивился высоте забора — верхняя его кромка тянулась на уровне моей макушки, и я не мог заглянуть через его край.

Я остановился около репейника, вытянувшегося мне по плечо, нагнулся и, выбрав самый большой, без дырок лист, взял его за черешок и потянул. Он отломился от стебля с сочным хрустом. И сразу же в этот момент стал ТЕМ, пяти-

десятилетней давности чудом, возникшим в настоящем вместе с теплотой воздуха, теми запахами, тем усилием руки. Я тянул лист к себе и смотрел, как выползают из черешка бледно-зелёные, почти белые сухожилия, и горьковатый репейный запах щекотал мне ноздри. Потом сухожилия лопнули, оставшиеся их части обвисли, начали вяло скручиваться и подтягиваться к обломку черешка на стебле.

Правая рука непроизвольно нащупала в кармане спичечную коробку, пальцы вынули из неё спичку и скололи ею края листа.

Потом я оглянулся.

Переулок был пуст.

Тогда я совсем по-мальчишески засмеялся, надел лопушиный картуз себе на голову и, уже ничего не опасаясь, сделал те несколько шагов, что отделяли меня от широкой щели в заборе.

Я не удивился, что щель всё ещё была там. Я присел около неё на корточки и смело заглянул в ТОТ мир.

Да, всё было там — и два полуразвалившихся ящика с осколками стекла, и зубчатка, утонувшая в траве и покрытая чёрным нагаром, и рядом с ней вторая, поменьше, заляпанная рыжими пятнами ржавчины, и покрышки со стершимся на нет протектором — милый хлам,

А вот вам загадка —
Прошу отгадать:
К заплатке заплатка,
А швов не видать.

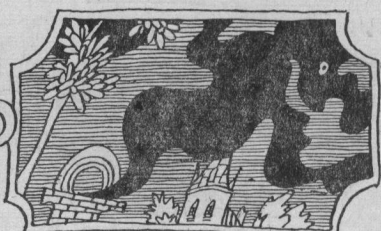
(взлупаК)

На триста булавок
Из чистого золота
Красивое
Синее
Платье заколото.

(члзвдлн и нбН)

Лезет в небо
Савватей,
Длинный,
Чёрный,
Без костей.

(мчлД)

никому на свете не нужный, кроме детства.

Несколько минут я вдыхал запахи, которые давно позабыл. Потом медленно протянул руку к ящику с обломками стекла. Они были там, стёклышки детства, — линейки, прямоугольники, треугольники и просто осколки без всякой формы.

Задержав дыхание, я вынул один осколок.

Это был кусок простого оконного стекла в форме неправильной трапеции — тусклый, с потёками грязи по краям, через него всё просматривалось, как сквозь коричневый туман. Но тяжесть его приятно ощущалась пальцами, и я подержал его некоторое время в руке, прежде чем осторожно положить его обратно.

Я вытащил из ящика ещё несколько пластинок, но все они были похожи на первую — из обычного стекла, грязные и неровные. Затем передвинулся ко второму ящику.

Но и здесь оказалось то же самое.

И тут я бросил взгляд себе под ноги.

В траве лежал ещё один осколок. Я машинально поднял его. Сначала мне показалось, что он зелёный, но, когда я стёр с него налёт многолетней пыли, перед глазами на мгновение блеснул чистый небесный цвет, и снова — какой уже раз в это утро! — что-то мягко и сладко сжало сердце.

Я хорошенько протёр прямоугольную пластинку носовым платком и поднял её к глазам.

Лёгкие воздушные облака, медленно плывущие к горам, растаяли в небе. Трава и лопухи побледнели, и всё вокруг стало призрачным, почти невесомым. Даже забор потерял свою плотность и стал похож на декорацию самого себя.

Дома, вдоль которого я шёл к забору, не было. Вместо него бледно голубело, точно залитое лунным светом, здание ГАРАЖА. Я отчетливо видел скат его железной крыши и обрез стены, около которой росла маленькая кривая яблоня, и людей, которые шли не по улице, а по ПЛОЩАДИ! Я даже видел, как по площади пробежала машина такой с детства знакомой формы, что ошибиться было нель-

Хоть без крыльев, а летает,
Хоть без голоса — поёт,
Хоть безрукий, но, бьёт,
Груши с веток обрывает,
Сосны с корнем вырывает,
Затихает, устаёт.
Вот он — в листьях, на воде...
Вот — и нет его нигде!

(Ветер)

Костёр
Под ёлкой
Не горит,
Котёл
Не грелся,
А кипит!
Кипит,
Кипит,
Не выкипает,
А сунешь руку —
Обжигает!

(Муравейник)

Белый домик
Без крыльца,
Был он долго
Без жильца,
А как житель
Появился,
Домик сразу
Развалился.

(Яблоко и опилки)

зя: это был легковой довоенный «газик», ГАЗ-АА, с крыльями над колёсами и с подножкой!

Боясь разрушить мгновенное впечатление, я осторожно отвёл стекло от глаз.

Гараж стал ещё отчётливей, небо взлетело над домами бледной синевой, и где-то рядом со мной, в траве под забором, цвиркнул и рассыпался стеклянной трелью кузнечик.

Пустырь дремал в утренней тишине, он дал мне всё, чего я хотел.

Я отодвинулся от забора и медленно зашагал по переулку к площадке, сжимая в ладони нагретое стекло.

У выхода на площадь мне встретила женщина. Кофточка с прямыми широкими плечами. Длинная юбка, припадающая к высоким ногам. На голове, слегка боком, повязана розовая косынка.

Женщина посмотрела на меня с удивлением, улыбнулась и прошла мимо. Мне показалось, что её лицо я когда-то видел. Давно... очень давно... Я поднёс руку ко лбу. Пальцы наткнулись на вялый лопух. Мне сразу сделалось жарко. Понял, чему удивилась женщина. Сдернул лопух с головы, смял его и бросил на дорогу. А когда опустил руку, заметил, что ногти на пальцах обломаны, под остатками ногтей узенькой траурной каёмкой скопилась грязь, на большом пальце — свежая царапина с бисеринками выступившей крови. Наверное, всё-таки задел в ящике за кромку стекла. По детской привычке слизнул кровь языком и почувствовал на коже цыпки. А ведь у меня всегда были чистые руки и аккуратно подрезанные ногти...

Я миновал кривую яблоню и вышел на площадь.

Ворота гаража были распахнуты настежь, и я увидел тускло поблескивающий никелем «линкольн» с откидным парусиновым верхом и тройным никелированным клаксоном у ветрового стекла.

Я знал этот «линкольн» — на

нём ездил первый секретарь обкома Бетал Эдыкович Калмыков.

Бывая у своего дяди Миши в гараже, я даже залезал иногда на мягкое коричневое сиденье прекрасной машины и левой рукой давил чёрную резиновую грушу, чтобы услышать громкий двойной крик сигнала: «Уик-уа! Уик-уа!»

Где-то глубоко-глубоко в сознании мелькнула слабая мысль, что всё — неправда, что это было пятьдесят лет назад, что нет ни «линкольна», ни «санбима», который стоял в глубине гаража, что женщина в кофточке тридцатых годов мне только привиделась... Но в ладони я ощутил грани голубого стекла, и мысль погасла.

Быстрым шагом, почти бегом, я добрался до Степной и остановился изумлённый. Не было ни театра, ни площади, ни памятника Марии. Не было гостиницы, из которой я вышел утром...

Сжав в кармане стекло, я побежал. Хотелось попасть на улицу Карашаева, где стояло двухэтажное здание нашей школы и где, наверное, меня ещё помнили.

Неподалёку от поворота на Карашаевскую находилась типография. Здесь печатались книги и газета «Социалистическая Кабардино-Балкария». Всегда было интересно смотреть на гудящую, шелкающую, непрерывно делающую что-то машину. Меня, как магнит, притягивали эти окна. И сейчас я тоже остановился около них.

Машина работала.

Откуда-то из её глубины плавно и сильно выкатывалась рама с газетным листом. Лист подхватывали деревянные рейки, поднимали его целиком и перебрасывали на специальный стол, где уже выслась толстая стопа таких же листов, пестрящих буквами. А рама уже уходила внутрь, под толстый крутящийся валик, и где-то там, в глубине, выскакивала с другой стороны.

Не знаю, сколько я простоял у окна. Неожиданно один лист завернулся на укладчике углом и не

лёг на стопку, а так и остался на рейках, будто прилип к ним. Машина остановилась. И тогда я разобрал то, что было мелко напечатано в линейках под заголовком:

«Понедельник, 2 сентября 1935 года».

Щемящее чувство пустоты поднялось в груди: первый день занятий в школе после каникул, а мне нельзя идти в класс, я ещё болен, врач разрешил идти в школу только четвертого, и я пропущу самое-самое дорогое — встречу с ребятами после длинного лета, шум, беготню во дворе, радостные: «А, Колька, здорово!», «О, Внучок появился!», «Внук, иди-ка сюда!», и первый звонок, и первый урок, который будет совсем новым, навсегда врезавшимся в память, радостным и совсем не трудным...

Я отошёл от окна. Но где-то в глубине стекла, в голубоватом тумане, увидел слабое, размытое бликами света отражение маленького мальчика в куртке с накладными карманами, в высоко поддёргнутых брюках, из-под которых виднелись полоски светлых носков, и в сандалиях с жестяными пряжками. Худенькая фигурка с коротко стриженной головой и глазами, смотрящими немного исподлобья...

Я рванул с места и помчался. Я не умел ходить медленно, всегда бегал, мне хотелось быть сразу везде.

Вот бульвар со столетними акациями, толстыми и морщинистыми. Сколько их ни подрезали, кроны так сильно разрослись, что сплелись над головой в сплошной зелёный навес, и летом бульвар был похож на прохладный зелёный туннель, тянувшийся через весь город.

В конце апреля в акациях заводилась великая сила майских жуков. Мы набивали ими карманы, приносили в школу и в классе во время уроков устраивали соревнования. Каждый метил своего жука, ставил чернилами на коричневых скорлупках надкрыльев точки, крестики или свои инициалы. Потом незаметно для учительницы мы

бросали жуков в проход между партами и следили, чей жук взлетит раньше. Выигрывал первый.

Как азартна была эта игра! Сколько споров и крика было потом на переменах!

Не успел я сделать и десяти шагов по бульвару, как кто-то сильно шлёпнул меня по плечу:

— Здорово, Внук!

Я чуть не упал, резко повернувшись назад.

Передо мной стоял Алимурза Бесланеев в новеньком тёмно-коричневом костюме с новеньким портфелем в руке.

— Мурзик!

— Ты чего в школе не был? Мотаешь?

— И ничего не мотаю. Я больной. А ты почему здесь?

— Татьяна выгнала.

— Сразу?! С первого урока?

— Не. Со второго.

— За что?

— С Кошеем подрался.

Ух ты, с Владькой Кошеевым! Вот это да! Значит, интересная была драка. Оба сильные. Жалко, что я не видел.

— Теперь куда?

— В парк. Домой мне сейчас нельзя.

— Мурзик, давай не в парк, давай пойдём на базар.

— Ты что! Нельзя на базар. Мать может увидеть. И школа рядом. Дует в парк!

Мурзик сильно подрос за лето, стал ещё шире в плечах и толще лицом. Я не дружил с ним — побаивался его упрямства и силы. Если его разозлить, он мог сделать что угодно, даже, наверное, убить человека. Поэтому многие ребята заискивали перед ним и никогда с ним не ссорились. Все, кроме Володи Калмыкова и Владика Кошеева. Я не умел заискивать; у меня это всегда получалось фальшиво. Я просто предпочитал разговаривать с Алимурзой, когда он обращался ко мне, и держаться от него подальше, когда он не обращал на меня внимания.

— Ну что, Внук, пойдёшь?

— Нет,— сказал я.

— Дурак!

— Пока! — махнул я рукой и помчался дальше.

На столбе висели большие электрические часы. Я взглянул на них. Всего одиннадцать. Уроки кончаются через два часа. А за два часа можно сбегать на Кабардинскую, посмотреть, что идёт в кино, и полюбоваться шашками и кинжалами в витрине комиссионного магазина.

Я свернул с бульвара на Революционную и одним духом домчался до Кабардинской.

Вот книжный магазин, почти на углу. На витрине — тетради, ручки, чернильницы-непроливашки, перья в коробках, линейки. Ноги сами остановились, когда за витринным стеклом я увидел жёлтую книжку с красными буквами на обложке: «Солёный ветер». А рядом ещё одну, без названия, темно-коричневую и очень толстую. Ничего не было на её обложке, кроме красивого профиля мужественного человека, профиля, который я знал, наверное, со дня своего рождения.

Я присел и посмотрел на эту книжку сбоку. Оказалось, что это не одна книжка, а три — просто они были положены одна на другую. И на корешках я прочитал название: «Жюль Верн. Таинственный остров». Тома I, II и III.

В «Ударнике» шёл фильм «Балтийцы», а перед ним — мультфильм «Любимец публики». На билет нужно было тридцать копеек, у меня было всего пятнадцать, и оба фильма я уже посмотрел по два раза, поэтому в кино не особенно хотелось, и я направился к комиссионному.

Сколько себя помню, столько помню и лежащую на витрине благородную, слегка изогнутую саблю с насечённой золотом рукояткой, в чёрных ножнах, украшенных золотыми гравированными на-

кладками. Рядом с саблей лежал кинжал в серебряных ножнах с чёрным тонким витым рисунком в виде веточек и листиков, похожих на пиковые тузы. На головку рукоятки и на упор её из белой слоновой кости тоже были наложены серебряные пластинки с ещё более тонкими веточками и тузами, а в верхней части ножен поблёскивали плоские колечки, при помощи которых кинжал привешивался к поясу. Мне всегда очень хотелось увидеть клинок кинжала с глубокими канавками, вдавленными в лезвие с обеих сторон. Я почему-то был уверен, что клинок — голубой.

А рядом с кинжалом и саблей лежал чекмень, сшитый из белой прекрасной шерстяной ткани, — дорогой праздничный чекмень с двенадцатью пуговками в виде чёрных шариков размером с крупную ягоду чёрной смородины, с рукавами, туго обтягивающими запястья и застегивающимися на точно такие же шарики. Но самое замечательное в этом чекмене были газыри — по шесть штук с правой и левой стороны груди. В газырях горцы хранили пороховые заряды и пули для винтовок. Я никак не мог понять, из чего они сделаны, — наверное, выточены из слоновой кости, а крышечки на них чеканены из матового серебра, чёрнённого всё тем же узором из тончайших веточек и тузов.

Была ещё папаха, небольшая, аккуратная, сшитая из тёмно-золотого редчайшего каракуля. На солнце она переливалась шелковистым блеском, и от неё долго нельзя было отвести глаз.

Я пытался представить себе человека, одетого в этот чекмень, вооружённого этим кинжалом и саблей, и перед моим взором вставал художавый горец с тонкими и резкими чертами лица, легко сидящий на высоком тонконогом коне. На плечах — белоснежная бурка, в распах которой наискось поблёскивает кинжал, а из-под полы, опускающейся почти до брюха коня, видна нога в мягком шевровом

«Можно было пойти на базар и заглянуть в зелёную будку „Ремонт часов”».

сапожке, твёрдо поставленном в глубокое стремя.

Налюбовавшись витриной, я свернул за угол, на Почтовую улицу. Ноги сами понесли меня к школе.

Её двухэтажное здание из белёного кирпича стояло совсем недалеко от базара. Четыре широкие ступени вели к главному входу. Там, за тяжёлой дверью, у нас находилась раздевалка, а за ней начинался сумрачный коридор, окна которого выходили во двор. Рядом со школой в двух небольших домиках жили наши учителя.

Я прошёл через открытые ворота во двор. Он был пуст. На асфальтовом пятачке белели нарисованные мелом классики и голова с большими ушами и лунообразным ртом. Под головой — надпись кривыми буквами: «ВАСЯ».

Сколько времени осталось до перемены?

Стрелки показывали десять минут первого. Я посчитал. Шёл пятый урок, и до перемены оставалось тридцать минут.

Можно было пойти на базар и заглянуть в зелёную будку «Ремонт часов», где сидел брат моего друга Энвера Мурат Магомедов. Мурат чинил будильники, ходики, карманные часы на цепочках, наручные «Кировцы». Он надевал на голову пружинный обруч, к одному из концов которого был приделан чёрный стаканчик лупы, и, низко нагнувшись над столиком, всматривался в крохотные золотистые зубчатые колесики механизма. Он разрешал мне трогать инструменты и рыться в коробке, где лежали старые, потемневшие, отработавшие свой век механизмы и корпуса часов. Однажды я нашёл там чёрный железный корпус с откидывающейся на пружинке передней крышкой, и Мурат подарил его мне.

Можно было пойти там же, на базаре, в шашлычную, похожую на полутёмный сарай с черепичной крышей, где у мангалов работал отец Энвера. Широколицый, в широких брюках, похожих на шаровары, в ситцевой розовой рубашке с

закатанными до локтей рукавами, он нанизывал на длинные тонкие шампуры кусочки баранины, вымоченные в белом кислом вине. Куsocек баранины, кружок лука, тоненький ломтик жира, снова кусочек баранины, долька лука, желтоватый лепесток жира — волосатые руки его двигались уверенно, быстро. Он осторожно клал готовый шампур на края мангала, шипело и потрескивало жарящееся мясо, вспыхивали синими искрами капельки жира на раскалённых углях, и к потолку шашлычной поднимался такой головокружительный запах, от которого сразу хотелось есть.

Посетители сидели на деревянных лавках у низеньких бочонков, которые служили столиками, пили вино из граненых стаканов и разговаривали — по-кабардински, по-балкарски, по-осетински, по-черкесски. Я не понимал ни единого слова, и от этого было весело и хорошо. Завидев меня, отец Энвера вытирал толстые ладони о полотенце, повязанное вместо пояса, хватал меня за плечо и кричал пирующим:

— Дорогу, друзья, дорогу моему дорогому другу, дорогу и самый лучший шашлык!

Он усаживал меня на свободное место и приносил маленький шампур, на котором дымилось мясо.

— Это был самый молодой, самый красивый, самый нежный барашек, — говорил он, передавая шампур мне в руки. — Ешь, становись большим, сильным и вспоминай старого Магомеда!

Никаких тарелок в шашлычной не полагалось. Мясо с шампура снимали прямо зубами, и это совсем не было похоже на домашние обеды, где надо было сидеть за столом и есть ложкой и вилкой.

А ещё можно было пойти к керсиновой лавке. Она находилась на самом краю базара. Не киоск, не сарай, а просто земляной бугор, в склоне которого прорезана дверь. Внутри бугра — цистерна с керсином, а перед ней, под краном, оцинкованная ванна, из которой

продавец черпаком наливает керосин в бидоны. Но не это самое интересное. Самое интересное — очередь, которая по воскресеньям с утра до вечера стоит у земляного бугра. В очереди в основном мальчишки и девчонки. Но разве можно когда-нибудь видеть спокойно стоящих на месте мальчишек и девчонок?! В очереди стоят друг за другом бидоны, вёдра, трёхлитровые зелёные бутылки-четверти, огромные, литров на двадцать, бутылки, оплетённые прутьями, с плетёными же ручками по бокам, чтобы их можно было нести вдвоём, а между бидонами и бутылками просто положены друг за другом кирпичи или камни — это хозяева заняли очередь, а сами ушли домой за посудой.

Очередь — это клуб, это городские новости, это рассказы о кабаках, которые якобы появились у самого города в лесу под Просвирным курганом, о том, кто и когда с кем подрался, у кого сегодня ночью обчистили сад, сломав самую большую ветку на лучшей яблоне, о том, что у кого есть и кто о чём мечтает. Очередь — это место обмена. Меняются скромными ребячьими драгоценностями: мальчишки — медными трубками для самодельных пистолетов, пёрышками для игры в стукалку, свинцовыми битками, резиной для рога-ток, ножичками, зажигательными стёклами; девочки — лентами, цветными нитками для вышивания, куточками кружев, латунными колечками — «совсем как золотые», коробочками из-под пудры, причём особенно ценились коробочки круглые, плоские, на крышечках которых была изображена в профиль черноволосая женщина с тонким лицом и с веером в руке — Кармен. Сокровища внимательно осматривались, горячо обсуждались и только после этого переходили в руки новых владельцев.

Керосинщик любил поболтать со своими покупателями, очередь двигалась медленно, и, заняв её с ут-

ра, можно было получить керосин только после обеда.

Я уже хотел повернуть по Почтовой к базару, как вдруг увидел на бульваре первого секретаря обкома Бетала Эдыковича Калмыкова.

Наверное, не нашлось бы ни одного человека в Кабардино-Балкарии, который не знал бы Бетала Калмыкова. Он был легендой, героем и совестью республики одновременно.

С его сыном Володькой я учился в одном классе. Вовка был таким же мальчишкой, как все. Так же сломя голову носился по двору и по школьным коридорам на переменах. Так же дрался с нами и мы дрались с ним. Так же хватал «неуды» и «плохари» на уроках, как остальные ребята в классе. И мы никогда не задумывались о том, какой у него отец.

Вовка часто приглашал нас к себе, и в его четырёхкомнатной квартире мы чувствовали себя столь же свободно, как дома. Единственное, что нам запрещалось, — это входить в кабинет Бетала Эдыковича. Там на столе всегда были разложены деловые бумаги или работал сам Бетал, и тогда Антонина Александровна, его жена, просила нас быть потише.

Иногда Бетал выходил из своего кабинета в гостиную, усаживался на диван, мы окружали его, и он, поочерёдно кладя руку каждому из нас на плечо, спрашивал:

— Ну как дела, джигит? Сколько получил «неудов»? С кем дрался вчера?

Мы честно рассказывали ему обо всех наших делах, он улыбался, качал головой и угощал нас конфетами «дюшес» в прозрачных зелёных бумажках. Потом вдруг становился серьёзным и говорил:

— Учитесь, ребята. Я, честное слово, завидую вам. Мне пришлось мало и плохо учиться, потому что я был бедный пастух. А сейчас вы вон какие хорошие. Все богатыри, все джигиты. Нашей стране не ну-

жен дикий, некультурный джигит. Нужен человек, который мог бы пасти баранту и читать книжку, и летать на самолёте, и строить мост. Мы посадим в нашей республике сады. Вишни и груши будут расти вдоль дорог. И ещё — арбузы. Чтобы каждый, кто идёт, мог остановиться, отдохнуть и скушать что хочет. Вот почему нужно учиться!

Он поднимался с дивана, высыпал в наши ладони остатки конфет из кармана и снова уходил в свой кабинет.

Однажды, когда отец был в долгой командировке, Вовка показал нам его саблю и маузер. В крышку деревянной кобуры маузера была врезана блестящая жёлтая пластина с гравировкой:

*«Герою Гражданской войны,
командиру Кабардино-Балкарской
Красной Армии
Беталу Калмыкову.*

С. Киров».

Мы подержали в руках маузер, по очереди выдвинули из потёртых кожаных ножен саблю и попытались вообразить, как Бетал первым поднял на Зольских пастбищах бедняков против князей и первым во главе своего отряда врвался в селения, занятые белыми. Но не могли. Революция для нас была слишком далека, и мы знали её только по книжкам и по учебникам.

Зато мы знали множество историй о храбрости Калмыкова.

Больше всего мне нравился один случай. Мне рассказывал о нём мой дядя Миша, который заведовал обкомовским гаражом.

Бетал работал в своём кабинете в обкоме, как вдруг зазвонил телефон. Кто-то взволнованным голосом закричал из селения Баксан:

— Бетал! Милиция окружила в горах абрека Тугана. Он засел в пещере у Первого Кызбуруна и отстреливается. Уже ранил одного нашего. У него много патронов. Что делать?

Бетал пружинисто поднялся из-за стола и крепче прижал трубку к уху.

— Туган Мирзоев? — переспросил он. — Давненько о нём ничего не было слышно. Объявился наконец... Послушай, Магомет... да, да, я узнал тебя по голосу... Сколько у вас там чекистов? Шестеро? Всех в Кызбурун на помощь милиции. Я буду через три часа. Скажи своим людям, чтобы не упустили Тугана. Пусть не дают ему носа высунуть из пещеры. Всё!

Он дал отбой и сразу же позвонил в гараж. Мой дядя Миша сам подготовил машину — открытый быстрый «санбим».

Бетал вынул из ящика письменного стола колодку с маузером и перекинул её ремень через плечо. Через десять минут он нёсся в Баксан.

Тугана Мирзоева он знал хорошо.

Сначала Туган служил Деникину и тот произвёл его в капитаны. Потом, когда Деникина разбила Красная Армия, он переметнулся к «правителю Кабарды» К्लीшбиеву и его помощнику Заурбеку Серебрякову. Но скоро не стало ни К्लीшбиева, ни Серебрякова — везде в Кабарде установилась Советская власть. Чудом оставшийся в живых после разгромных боёв капитан Мирзоев скрылся в горах и несколько лет о нём ничего не было слышно. Поговаривали, что он бежал в Турцию.

Но вот то из одного селения, то из другого стали поступать вести, что люди видели Тугана Мирзоева. Только теперь он уже был не в форме белого капитана, а в бурке и лохматой папахе и в руках у него была герлыга — крючковатая палка, как у простого чабана. Появлялся он в селениях ночью, стучал в окна домов и просил напиться воды. Кого он искал? Может быть, своих бывших друзей или родственников, которые уже давно были расстреляны чекистами.

А потом начались поджоги.

В одном колхозе сгорела овчарня вместе с овцами. В другом под утро, когда у людей самый крепкий сон, запыхал сельсовет. В третьем двумя взрывами гранат была

«К Тугану бросились три милиционера, но Бетал сделал резкое движение рукой, и они остановились».

развалена новенькая, только что построенная школа. И кто-то в суматохе успел заметить исчезающего в ночной мгле всадника в чёрной бурке и чёрной папахе.

В страшном напряжении жили люди. Туган мог объявиться везде, и никто не взялся бы предсказать его разбойничий путь.

— Он проглотил сердце волка,— говорили о нём.

Работники НКВД и милиции устраивали засады в ущельях и на дорогах, на окраинах селений и в кукурузных полях, но Тугану каким-то образом удавалось уходить и от преследователей и от пуль. Последнее время он уже не поджигал домов, а просто воровал на кошах овец для еды. Но всё-таки был опасен. Кто мог угадать, что у него на уме?

И вот наконец Туган попался.

«Санбим» всего на несколько минут остановился в Баксане. В машину подсади уполномоченный НКВД и его помощник.

— Он всё ещё там? — спросил Бетал.

— Да,— ответил уполномоченный.

— Гони на всю скорость,— сказал Бетал шофёру.

Мелькнул Кызбурун Второй, и «санбим» ворвался в ущелье.

С правой стороны дороги встала отвесная каменная стена.

С левой — в туманном провале вся в белой пене бесилась река.

Ещё полчаса ходу — и в небольшой долине покраснел черепичными крышами аул Кызбурун Первый. Здесь остановились. Налево к висячему мосту через ущелье шла конная тропа. Потом нужно было идти пешком.

Только перешли мост — услышали удар одиночного выстрела. И сразу же вразнобой загремели ответные.

Неподалёку от засады Калмыкова встретил начальник милиции:

— Бетал, несколько минут назад Туган крикнул, что сдаст оружие. Но только не нам, а тебе лично. И ещё он сказал: пусть Бетал по-

клянётся, что его, Тугана, безоружного никто не унизит. Потом пусть судят, пусть расстреливают... Вот так.

— Хорошо,— ответил Бетал. — Идём.

Подошли к засаде.

Шесть или семь стрелков лежали за камнями. Они напряжённо вглядывались в расщелину в крутом склоне горы. Расщелина была похожа на узкий чёрный треугольник. Вниз от неё шла каменная осыпь. Она кончалась небольшой ровной площадкой. От площадки до камней, где засели милиционеры, снова шла осыпь из мелких камней.

— Осторожнее, Бетал! — предупредил уполномоченный. — Он очень метко стреляет. Как шайтан. Не высовывайся из-за скалы.

Милиционеры, увидев, что приехал первый секретарь обкома, начали отползать от своих камней. Оказавшись под укрытием скалы, они поднимались на ноги и здоровались с ним за руку.

— Где раненый? — спросил Калмыков.

— Его на лошади отправили в Баксан.

— Хорошо.

Он обернулся к уполномоченному:

— У меня голос слабый. Крикни Тугану, что я здесь.

Уполномоченный подполз к самому дальнему камню, сложил ладони у рта и закричал. Его крик ударился о скалы и рокотом покатился по ущелью. Потом наступила долгая тишина. Только река ворчала за спинами под мостом. Уполномоченный вернулся к прикрытию.

— Не ответит,— сказал кто-то из милиционеров. — Только время оттягивает...

Но вот снова раздался рокот, распадаясь в камнях на отдельные слова. Бетал, приставив ладонь к уху, слушал.

Туган кричал, чтобы Калмыков поднялся по осыпи к ровной площадке. Там они встретятся.

— Не надо, Бетал,— сказал уполномоченный.— Ему терять нечего — так и так смерть. А тебя он убьёт.

— Посмотрим,— сказал Калмыков.

Он сбросил с плеча ремешок маузера и протянул пистолет уполномоченному.

— Держи.

И не успев уполномоченный снова раскрыть рот, как Бетал вышел на открытое место, не торопясь оглядел всё вокруг и начал медленно подниматься к площадке. Мелкие камешки выскальзывали из-под его ног, струйками осыпался вниз щебень.

Все, замерев, следили за ним.

Вот Бетал миновал половину пути. И в этот момент из треугольной расщелины показался на свет высокий горец в чёрном чекмене и чёрной папахе. В руках он держал короткий кавалерийский карабин. Он держал его на вытянутых ладонях перед собой, как держат оружие, давая клятву, и, нащупывая ногами тропу, двинулся вниз.

Кто-то из милиционеров передёрнул затвор винтовки и рванулся к камням, но уполномоченный крикнул:

— Не смей!

Бетал и Туган сошлись на площадке.

Туган протянул первому секретарю оружие и что-то сказал. Калмыков что-то ответил. И тут Туган перехватил карабин за конец ствола, высоко поднял его над головой и изо всей силы ударил о камень. В стороны брызнули белые щепки приклада. Остатки карабина Мирзоев отбросил в сторону. Потом заложил руки за спину и начал спускаться с площадки впереди Бетала.

Через несколько минут они были внизу.

К Тугану бросились два милиционера, но Бетал сделал резкое движение рукой, и они остановились.

Молча перешли мост.

Молча подошли к «санбиму».

Шофёр открыл заднюю дверцу. Бетал кивком показал Тугану: садись.

Туган втиснулся в машину. Калмыков сел рядом с ним.

Шофёр завёл двигатель, и Кызбурун Первый, покачиваясь, побежал назад.

Туган сидел, опустив голову.

Время от времени он поднимал её и искоса поглядывал налево. Там ничего не было, кроме непрерывно летящей мимо машины изломанной каменной стены. Но вот она кончилась, и впереди показался Кызбурун Второй. Закатное солнце садилось на горы. Под вечерним ветром трепетали в садах листья яблонь. Мальчишки гнали с пастбища отарку овец. Навстречу «санбиму», заходясь в лае, бросилось несколько собак. Дымились трубы на крышах домов. Какая-то старуха с вязанкой хвороста на спине остановилась и проводила взглядом машину.

— Вот она, жизнь,— сказал Бетал.— Мы сделаем её очень хорошей. Мы проведём сюда электричество и радио. В каждом доме будут книги. В амбарах будет много зерна. И вечером каждый человек будет есть на ужин шашлык.

Туган молчал. Он ещё больше сжался на сиденье в своём углу.

Калмыков посмотрел на него.

— Какие люди у нас пропадают! Жалко, что ты наломал столько дров,— сказал он.— Ты умеешь руководить. Ты грамотный человек. Из тебя вышел бы хороший председатель колхоза.

Туган рывком вздёрнул голову.

— Бетал,— задыхаясь, сказал он.— Не казни меня так... Лучше расстреляй сразу... здесь, на дороге...

Больше до города они не произнесли ни слова.

В тюрьме, сдавая дежурному арестованного, Калмыков сказал:

— Накормите его хорошо. Он три дня не ел. Я сам проверю.

Через месяц Тугана Мирзоева судили и приговорили к расстрелу.

Бетал любил после работы в обкоме прогуляться по Карашаевскому бульвару. Он ходил всегда один, заложив руки за спину, слегка припадая на левую раненую ногу, и все встречные здоровались с ним, и он здоровался с ними со всеми. В эти вечерние часы он никогда не разговаривал о делах. И если кто-нибудь пытался обратиться к нему с личной просьбой, он отрицательно качал головой и говорил тихим, мягким голосом:

— Приходи завтра к десяти в обком. Здесь я ничего не умею.

Иногда он прогуливался по бульвару и в обеденный перерыв.

Наверное, так было и сейчас.

Я любил Калмыкова той романтической ребячьей любовью, которая из всего делает сказку, добрую и героическую. И всегда мне казалось, что в те славные боевые времена, когда он носил на боку маузер в деревянной колодке и саблю с золотой поцарапанной рукояткой, он был близко знаком с Чапаевым, Котовским, Камо и Олеко Дундичем. В моем понятии все герои должны быть знакомы друг с другом. Даже через века.

И я не знал тогда, что Калмыков окажет такое сильное влияние на всю мою жизнь.

Я забежал вперёд по Карашаевской и пошёл навстречу Беталу.

Он шагал, опустив голову, наверное, думал о чём-то важном. Серые парусиновые сапоги мягко касались тротуара. Большой палец правой руки был засунут за широкий ремень бежевой коверкотовой гимнастёрки. Левой рукой он время от времени поглаживал подбородок или трогал маленькие — щеточкой — усы на верхней губе. Коричневая папаха закрывала его лоб до самых бровей. Грустное было почему-то у него лицо.

Я поравнялся с ним, задержал шаг и неожиданно тонким голосом сказал:

— Здравствуйте, Бетал Эдыкович!

Он остановился и поднял голову. Потом, видимо узнав меня, улыбнулся:

— Здравствуй, джигит. Ты откуда, из школы?

— Я болен, — сказал я. — В школу пойду только четвёртого.

Он опустил короткую сильную руку мне на плечо:

— Поправляйся. Болеть — это плохо.

— Поправлюсь. Спасибо, Бетал Эдыкович!

— Иди. Учись хорошо.

Он слегка похлопал меня по плечу ладонью и ещё раз улыбнулся.

И я побежал по бульвару дальше.

Рис. Ю. Шабанова

(Продолжение следует)

Вильгельм и Якоб Гримм.
Литография по рисунку Л. Э. Гримма.

Много писательских юбилеев и знаменательных литературных дат отметила «Искорка» в «Нашем литературном календаре», а сегодня оказалась вдруг в необычайном затруднении. Дело в том, что 200 лет тому назад, 4 января 1785 года, в Германии родился Якоб Гримм — знаменитый собиратель немецких народных сказок. Но в литературе он никогда не выступал один, только вместе с братом Вильгельмом Гриммом. Они так и подписывались на книжках: «Братья Гримм». А Вильгельм Гримм родился только в следующем, 1786 году, 24 февраля. Однако после некоторых раздумий и советов с окружающими «Искорка» решила сохранить приоритет старшего брата — Якоба, просто потому, что кто старше, тот и отвечает за всё. И поэтому двухсотлетний юбилей братьев Гримм журнал всё-таки отмечает в нынешнем, 1985 году.

Братья Гримм оставили миру огромное научное и литературное наследство: «Немецкую грамматику», «Немецкую мифологию», «Словарь немецкого языка»... А нам, в «Искорке», и конечно, нашим читателям они особенно дороги потому, что собирали и издавали немецкие народные сказки. Братья жили в трудное для своей родины время — войны, нашествие Наполеона, разруха, междоусобицы... Народное творчество было для них источником силы и вдохновения.

Юбилей знаменитых сказочников мы отметим «Разговором с братьями Гримм». Братья расскажут нам о себе сами, а мы ответим им — в стихах. Стихи о братьях Гримм и их сказках написал молодой ленинградский поэт Николай Голь.

Николай ГОЛЬ

Рис. Г. Ясинского

РАЗГОВОР С БРАТЬЯМИ ГРИММ

Два господина в сюртуках,
при шляпах и штиблетах...
Нечасто встретишь в деревнях
таких вот, разодетых.
Какой вас путь сюда привёл —
и, видно, не короткий, —
на площади немецких сёл,
на ярмарки и сходки?
Какой вы толк нашли в ходьбе
среди люда забубённого?

Именье ищите себе
за неименьем оного?
Иль иностранный царский двор
дал тайное задание?
Или решили вы на спор

объехать всю Германию?
Или найти хотите клад,
зарытый под горою?
Так что ж ни кйрок, ни лопат
не взяли вы с собою?

«С невыразимо горькой болью видел я свою родину униженную, лишённую всяких прав. В то время мне казалось, что все надежды рухнули и все звёзды закатились. Я пришёл к мысли вновь связать нити начатой работы, как бы ни было печально вокруг. Это оказалось не напрасным — я как-то внутренне выпрямился» (Якоб Гримм).

«Мы, как странники, пережили одно за другим дождь, бурю, солнечные дни, и, когда тучи поднимались выше гор, мы всё равно были уверены, что где-то над нами светит солнце. И мы продолжаем работать, и нет в этом мире работы лучшей, чем наша» (Вильгельм Гримм).

Мы представиться вам хотим:

— Якоб Гримм.

— Вильгельм Гримм.

Нас базарный торг не влечёт,
мы пришли за добром иным,
наш товар задаром идёт,
но недаром идём за ним.

Станут сказки любых земель
достоянием для нас с тобой.

— Это наше право, Вильгельм!

— Это, Якоб, наш долг святой!

— Горопись же, Якоб, нас ждут!

— Поспешаю, Вильгельм!

Вдвоём,

как другие в поход идут,

мы с тобою в сказку войдём!

«Труды собирателя преданий очень скоро оправдывают себя, а удачная находка больше всего напоминает невинную радость детства, когда во мху и густом кустарнике наталкиваешься на птичку, высиживающую птенцов; поиск преданий — это то же бесшумное снятие сухих листьев и осторожное раздвигание ветвей, чтобы не нарушить покой их обитателей и украдкой заглянуть в самую природу — необычную, ушедшую в себя, пахнущую листвой, луговыми травами и только что прошедшим дождём» (братья Гримм).

«Всё прекрасное в сказках выглядит золотым, даже люди здесь встречаются золотые, а несчастье — это ужасный великан-людоед, который, однако, терпит поражение, так как рядом стоит добрая фея, знающая, как отвести беду» (братья Гримм).

Бывает трудно жить,
приходит грозный час,
но сказка — это нить,
связующая нас.
Не в каждой сказке толк
найдёшь на первый взгляд,
но в каждой сказке волк
слабей, чем семь козлят.
Порой оптический обман

страшней обмана просто.
 Неужто вправду великан
 уж так огромен ростом?
 Кто к великанам попривык,
 тот должен вам признаться,
 что великан не так велик,
 как может показаться.
 Известно было в старину,
 что дело не в обличье.
 Цените не величину —
 оцёните величье!

«Мы старались сохранить сказки во всей их первоизданной чистоте. Ни один эпизод в них не выдуман, не приукрашен и не изменён. Само собой разумеется, что стиль и построение отдельных частей принадлежит нам» (братья Гримм).

«Нам посчастливилось встретить в деревне Нидерцверен близ Касселя крестьянку, которой мы обязаны лучшими сказками. Это — жена бедного скотовода, ей не было ещё 50-ти лет. Она хранила в памяти старинные предания — дар, который даётся не каждому. Она рассказывала сказки с удовольствием, так что при желании их можно было записывать, как под диктовку» (братья Гримм).

Однажды глупый Ганс
 нашёл в лесу лисицу
 и в сумку положил
 (в хозяйстве всё сгодится).
 Лисёнок сумку сгрыз
 и по пригорку — вниз!
 Сказала Гансу мать:
 — Какой же ты неловкий!
 Находку вдругорядь
 веди к нам на верёвке!

Однажды глупый Ганс
 нашёл шматину сала.
 К верёвке привязал,
 как мать ему сказала.
 Пока тащил, чудак,
 — всех накормил собак!
 Сказала Гансу мать:
 — Учи тебя науке!
 Отыщешь что опять —
 бери находку в руки.

Однажды глупый Ганс
 наткнулся на ягнёнка,
 взял на руки его,
 а тот заблеял тонко,
 копытами забил,
 прыжок — и след простыл!
 Сказала Гансу мать:
 — Ведь взрослый ты детина!
 Находку в дом пригнать
 ты должен хворостиной!

Однажды глупый Ганс
 нашёл себе невесту
 и, как учила мать,
 погнал её на место.
 Сказала Гансу мать,
 чуть-чуть всплакнув сначала...
 Да что могла сказать?
 На этот раз — смолчала.

«Нашим добрым спутником является неиссякаемое богатство сказок, легенд и преданий. Повсюду печаль перемежается с радостью, но радость всё же преобладает... Поэзия — это сокровищница, которую народ наполняет своими духовными достижениями» (братья Гримм).

«Сказки рассказывают ребёнку, чтобы в их чистом и ясном свете зародились и выросли первые мысли и силы сердца; сказка не знает ни имени, ни местности, она является чем-то общим для всего отечества» (братья Гримм).

*Нам всем даётся в сказке шанс
стать лучше и добрее.
На что уж глупый-глупый Ганс,
а станет поумнее.*

*И, сто страниц перевернув,
узнаем без натяжки
мы Ганса этого, взглянув
на храброго портняжку.
Ещё не подведён итог,
и не суди до срока:
ведь тот, кто с виду недалёк,
ещё пойдёт далёко!
Полсвета вместе обойдём,
пока дорога стелется,
и, в дом придя, увидим в нём
дом госпожи Метелицы.
В дорогах сказочных прямых
нам добрый свет подарен,
счастливей богатеев злых —
крестьянский добрый парень.
Пусть жизнь в скитаньях непроста,
пусть порвана одежда,
но в сказке теплится мечта,
и значит — есть надежда!
Нас чувство доброе вело,
светил нам честный помысел,
а вымысел — не ремесло,
и домысел — не промысел!
Кто верит — тот в любую даль
уходит без опаски,
а сказки главная мораль —
отнюдь не после сказки!*

«Никогда, с ранней моей юности и до сих пор, ни одно правительство не удостоило меня или брата поддержки или награды; что касается первой — иногда я испытывал в ней потребность, в последней — никогда. Эта независимость закалила меня» (Якоб Гримм).

«Пока я живу, я буду радоваться всему, что сделал; мне будет большим утешением, если какие-то из моих работ переживут меня, они от этого ничего не потеряют, а только выиграют» (Якоб Гримм).

*Недавно сказку я прочёл,
похожую на жизнь:
там кто-то ждал, а кто-то шёл,*

*чтоб голову сложить.
Там кто-то расточает лесть,
кого-то губит спесь...*

Такое в каждой сказке есть,
и в жизни тоже есть.
Там варят суп из топора,
там можно верить снам,
там спят с утра и до утра,
а хлеб родится сам.
Там кто-то смог на небеса

по дереву залезть...
Есть в каждой сказке чудеса,
и в жизни тоже есть.
И в сказке весть несёт гонец,
и в жизни ждут гонца.
Но в каждой сказке есть конец,
а в жизни — нет конца.

«Я с каждым днём всё больше понимаю, какое значение эти сказки имеют для всей истории поэзии» (Якоб Гримм).

«Мы передаём эту книгу в доброжелательные руки, думая при этом о великой и доброй силе, заключённой в сказках, и хотим, чтоб она не попала к тем, кто не желает дать даже эти крохи поэзии бедным и слабым» (братья Гримм).

Памятник братьям Гримм в Ханану.

Скоро XXVII съезд КПСС утвердит новую редакцию Программы партии — программы совершенствования развитого социализма.

Построению и совершенствованию социализма подчинена вся жизнь нашей страны с момента её рождения, с октября 1917-го, когда дождливой бессонной ночью красногвардейские отряды двинулись с трёх сторон на штурм Зимнего дворца, когда Ленин в переполненном зале Смольного обратился к посланцам всей России со словами: «Социалистическая революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась!»

Конечно, и раньше происходили восстания, государственные перевороты, войны и даже революции. История цивилизованного мира может показаться цепью дворцовых переворотов и великих сражений, даты многих из них ты заучил наизусть, планы некоторых из них ты знаешь по картам. Но изображать ход истории в виде восстаний и войн всё равно что землетрясение — в виде развалин. Они — не причина, а следствие глубинных процессов.

Суть этих процессов раскрыли основоположники научного коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс. «Производство, а вслед за производством обмен продуктов, — писал Ф. Энгельс, — составляет основу всякого общественного строя... Настоящих причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена...», то есть — в экономических отношениях.

Взрыв — видимый, осязаемый, как землетрясение, — произошёл в октябре 1917-го в самой горячей точке, в России. Взрыв, не похожий на все другие потому, что власть взял в свои руки трудящийся класс, самый необходимый в процессе производства, способный обойтись без других, нетрудовых классов. Вот почему уже с октября 1917-го мы начали строить социализм, а потом — развивать его. Задачи совершенствования развитого социализма очертит новая редакция партийной Программы.

В основе её будет программа экономического развития общества, которую осуществлять будешь ты. Ты вольёшься в ряды трудящихся своей страны, будешь строить её экономику. Так что должен знать дело, которым предстоит заниматься всю жизнь. Об экономике — новая рубрика «Искорки».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Для наглядности рассказов об экономике выберем героев. А в их поведении, в столкновениях между ними попытаемся разглядеть действие основных экономических законов.

Перво-наперво — основной участник процесса производства — Homo faciens — Человек Производящий.

Сложное я ему придумал имя, но употреблять его слишком часто мы

не будем, поскольку при разных обстоятельствах, в разные времена, эпохи или, выражаясь более научно — в разные общественные формации, у него будут разные профессии и разное общественное положение. Мы будем называть его просто Человеком, Рабом, Крепостным, Ремесленником, Рабочим... И ты убедишься: как бы ни менялись на нём одежды, суть останется прежней — во все времена и при всех обстоятельствах именно он, Человек Производящий, обеспечивает общество средствами к жизни.

Его роль в рассказе тебе должна быть сразу понятна — он представляет трудящийся класс.

А это — Собственник.

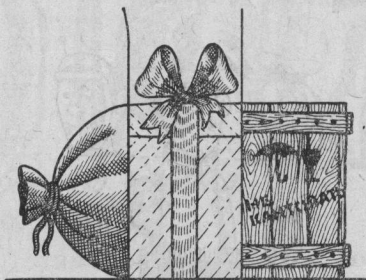

Он представляет класс эксплуататоров. Ты только не поддайся на чрезмерную простоту — дескать, всё ясно: тот хороший, а этот плохой, и потому между ними вечная борьба до самой революции. Плох он или хорош сам по себе — один разговор, нас интересуют сейчас их взаимоотношения.

Безусловно, что борьба между ними непримирима.

Собственник до тех пор собственник, пока он может присваивать и владеть. Но присваивать он может то, что производит Человек Производящий. И в зависимости от того, в какой степени ему удастся подчинить себе для грабежа Человека Производящего, мы будем называть Собственника то Рабовладельцем, то Феодалом, то Капиталистом — меняться будут лишь одежды, а классовая суть будет оставаться прежней.

А это — Продукт.

Он — неодушевлённый герой нашего рассказа. Но главный. Ради него затевается производство, с получением его начинается распределение, ради его увеличения идёт обмен. По поводу владения Продуктом сталкиваются в борьбе классы. Потребность в Продукте заставляет развивать производство и технический прогресс. Ради Продукта думают, ищут, изобретают, трудятся... И даже грабят и убивают.

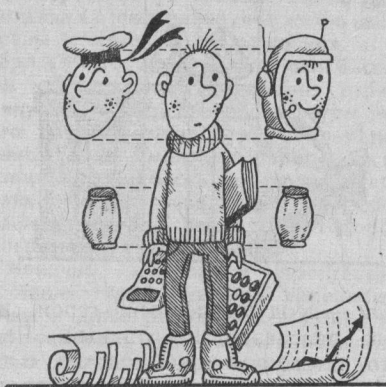
Все придуманные герои нашего рассказа условны, так что и под Продуктом надо понимать вообще всё необходимое для жизни — еду, платье, машины... Словом, всё, что появляется в результате деятельности людей.

А это — нестареющий Мальчик.

Он примерно твой ровесник и будет приходить к нам из первобытного строя, из глубокого средневековья... и нашего времени. Он, переходя из общества в общество, из эпохи в эпоху, из класса в класс (надеюсь, ты понимаешь, что классы у нас не школьные), будет испытывать на себе действие экономических законов и всегда будет воспринимать их живо — потому что нестареющий.

Ну, а это твой современник — любознательный Николай Экономов.

Он недоволен своей фамилией. Ему бы хотелось быть Космонавтовым или Мореходовым, на худой конец — даже просто Петровым или Сидоровым. А он, по воле автора, — Экономов, хоть нарукавники надевай. Несправедливость в том, что Николай вовсе не какой-нибудь расчётливый педант или скареда. Он — человек широкой натуры, и навязанная ему автором фамилия, считает

он, может дискредитировать его в глазах широкой массы читателей и особенно читательниц, с которыми он не исключает возможности познакомиться лично. Но что теперь делать? В рассказ он попал именно под такой фамилией.

Причём поставлено условие: Николай останется Экономовым до тех пор, пока не поймёт основных экономических законов. Выхода у него нет. Поэтому ученик Николай Экономов стал любознательным, он хочет поскорее всё узнать и торопится на полях рубрики сделать свои заметки по поводу происходящих событий.

Если некоторые его мысли будут поначалу напоминать твои, ты не обижайся — ведь он в чём-то и вправду на тебя похож. Но если замечания Николая Экономова покажутся тебе — ну как бы это сказать? — не совсем правильными или неточными, напиши об этом к нам в редакцию в течение месяца со дня выхода очередного журнала. Объясни Николаю, в чём он ошибается.

Имена постоянных оппонентов Николая Экономова мы опубликуем, а лучших ожидает приз.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО *Homo faciens*

Он жил на деревьях. Как птицы. Но крыльев у него не было — он был слабее птицы. Он жил на деревьях, потому что представлял собой слишком лёгкую добычу на земле. Он был слабее зверя.

Всех оделила мать-природа возможностями жить, добывать пищу, защищаться от врагов. Всех, кроме него. У него не было острых клыков, крепких когтей, тигриной силы. Он не мог так быстро убегать от преследователей, как лань. Ускользнуть бесшумно или смертоносно

жалить, как змея. Питаться раз в несколько дней и быть при этом сытым, как любой хищник. Насыщаться немногим, как любой маленький зверёк. Природа, словно в насмешку над неспособностью к добыче, дала ему большое тело, требующее много пищи ежедневно.

И лишь одно преимущество было у этого голого и беззащитного пасынка природы: оттопыренный большой палец на передней конечности. Благодаря этой странности он мог взять палку крепче, чем кто-либо другой. Взял, раскрутил и сбил банан, до которого трудно было дотя-

Орудия труда первобытного человека.

нуться. Напряг свой довольно большой по отношению к остальному телу мозг и догадался ловко обхватить гальку, ударить одну о другую — и сколотый острый край превращал никчемный камень в удобное орудие.

Он понял, как может выжить в не приспособленном для него враждебном мире: самому делать то, чем обделила его природа.

Человек присматривался. Он думал — и додумался тереть палку о палку над пучком сухой травы. Подолгу тёр, и наконец сумел вызвать этим трением огонь, а не дожидаться его с неба и не мёрзнуть, когда его погасит ливень.

Заострённую палку он придумал использовать для охоты. Надо было выследить зверька, подстеречь и воткнуть в него деревянное копьё — так на обед будет мясо.

Он научился вытачивать себе из камня замену волчьих или тигриных клыков. А если этот острый камень приделать к деревянному копыю, оно становится таким грозным оружием, какового нет ни у кого из зверей.

С этим копьём Человек пошёл на пещерного медведя.

И победил, и стал добывать его в пищу.

Он научился метать короткое копьё — дротик, такого тоже не было ни у одного из зверей.

Он научился делать замену мощной тигриной лапы — дубину, а потом топор — палку с привязанным к ней камнем. Для этого надо было лишь научиться завязывать узлы из бычьих жил.

На всё, что помогало ему выжить в борьбе с холодом и голодом, человек должен был затратить ТРУД. И это был не труд пчелы, которая и мёд собирает, и строит сложные соты, лишь подчиняясь инстинкту. Следовало додуматься — что сделать и как сделать. Дело нелёгкое, кропотливое. Одному оно не под силу, собственным опытом не обойтись. Надо было обмениваться информацией, что-то просить, что-то объяснять. Так возникла потребность в общении, в том, чтобы у каждой вещи, каждого известного действия было название. Надо было понимать друг друга. И появилась речь.

ТРУД

Трудно бегом взбежать на пятый этаж, трудно идти в школу, не выучив урока, трудно сознаться в этом учителю, трудно сидеть за учебниками, когда в соседней комнате включён телевизор.

Но это всё не труд.

Из курса физики ты знаешь: стоит поднять руку, съехать с горы на санках, зафутболить мяч — словом, затратить какую-то силу, чтобы переместить какую-то массу на какое-то расстояние, — значит, произведена работа.

Но не труд.

Ну ладно, физика — наука слишком точная. Возьмём пример из совершенно неточной области — из мифологии. За оскорбление богов коринфский царь Сизиф получил такое наказание: изо дня в день он должен был катить на гору

огромный камень, который, достигнув вершины, тут же скатывался вниз. Эта мука вошла в поговорку как Сизифов труд. Но и это — не труд.

Летом на даче, бывает, до того скука одолеет, что заберёшься в сарай и целый день гвозди в доски заколачиваешь, пальцы в кровь собьёшь, рука занемет от молотка. А всё равно это — не труд.

Дурак в сказке воду решетом таскал — представляешь, как натрудился?!

Не труд.

А на той же даче семечко в землю бросишь, чтобы из него огурец вырос, — уже труд. Досочку через лужу перекинешь, чтобы можно было переходить посуху, — труд. Урок выучишь, чтобы уж потом всю жизнь точно знать, чему равен квадрат гипотенузы, — труд.

В чём же разница между трудом и нетрудом?

В этом самом «чтобы».

Труд — это действие, совершаемое для чего-то, ради создания чего-то, с какой-то ясно осознанной целью. Исконная роль труда — видоизменять предметы природы и приспособлять их для удовлетворения потребностей человека. Тот безвестный дикарь, что первым взялся тереть один кусок дерева о другой, нас восхищает не своим завидным упорством, а тем, что он добывал — и добыл-таки! — огонь трением.

Разница между трудом и нетрудом не в количестве затраченных усилий, пролитого пота, а в направленности этих усилий на создание чего-то — огня, копыя, жилья, пищи, машины, знаний, стихов... Словом — на полезный результат.

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Nomo faciens

(Продолжение)

Труд держал людей вместе. Потому что в одиночку не загонишь оленя, яму-ловушку для мамонта не выраешь, не зама-

нишь его туда, а заманив, не забьёшь и потом тушу не вытащишь. А сколько времени занимало, допустим, выдалбливание лодки из ствола дерева? Пока долбишь его в одиночку, оголодать успеешь. Но как без лодки?

Другое дело — вместе. Всем

Как Николай Экономов приобщался к труду

*Сцена охоты рисунок
первобытного человека.*

находилась работа по силам. Пока мужчины делали орудия труда и охотились, женщины собирали плоды, съедобные злаки, зерно толкли (когда оно уже появилось), плели сосуды из прутьев, дети им помогали. А старухи огонь стерегли, готовили пищу.

Таким было первое разделение труда — на мужской и женский. Жизнь заставила.

Ну, представим себе, что разделения труда не произошло или произошло оно по-другому. Сегодня все вместе — мужчины, женщины с детьми, старухи — пошли на охоту. Шум, гам, бестолковщина, распуганное зверье. Погнали оленя. Дети в дороге потерялись, старухи отстали, на какую-то женщину этот загнанный олень выбежал, но свалить она его не смогла — силы-то не мужские. Ушла добыча. Вернулось стадо домой — костёр в пещере погас, зерно не смолото, младенцы орут некормленные, мужчины злятся. Нехорошо.

Зато вот на другой день все вместе сели сосуды плести, огонь разжигать и стеречь его. А есть-то по-прежнему нечего, еда сама-то в пещеру не придёт.

Первобытных людей кормило созданное ими первобытное общество. Люди они были хоть и первобытные, но не глупые. Вечная угроза голода заставляла

людей с древнейших времён организовывать своё хозяйство безошибочно. И они в совершенстве освоили искусство ведения хозяйства. Доказательство этому — мы с вами. Если бы они тогда ошиблись, прервался бы род человеческий. И всё.

Искусство ведения домашнего хозяйства, а по-гречески ЭКОНОМИКА, есть главное человеческое искусство. Ибо оно — искусство жить. Мы не выносим этого слова в словарь, потому что его объяснению посвящены все наши рассказы.

ДОБЫЧА

(Из далекого прошлого Homo faciens)

Каждый член первобытного стада должен был трудиться. Ведь сытости не было. Человек, научившийся убивать себе на обед любого зверя, отыскивать всё новые и новые съедобные растения, только-только и мог, что спасти себя от голодной смерти. Не более.

Праздных в стаде не было и лишних, не нужных стаду для поисков пищи, не было тоже. Тот, кто становился лишним — по старческой немощи или увечью, либо сам уходил умирать, как волк, в одиночку, либо его убивали. Увы, о милосердии речи не было. Потому что в стаде, где нет лишней еды, не может быть лишнего рта.

Начало и конец рабочего дня в первобытном стаде не установлены, нет ни будней, ни выходных, о каникулах, отпусках никто, естественно, и слухом не слыхивал. На работу — сбор плодов или охоту — гонит голод. А чувство это — постоянное.

Вот представим — собираются рано утром мужчины оленя загнать. А один — Лохматый — ни в какую. Он ещё не проголодался. Может, во время последней еды кусок себе пожирнее отхватил, может, по дороге к стойбищу корешок какой сытный на-

шёл и теперь у него в животе не урчит.

Палицы на плечи взвалили, копья взяли и топоры.

— Вставай, Лохматый, пора! — кричат ему от входа в пещеру. — Охоту проспишь!

— Да неохота мне, — отвечает Лохматый и плотнее заворачивается в тёплую шкуру.

— Да ты что, Лохматый! Ты ж у нас лучший забойщик. Охоту сорвёшь.

— А мне неохота.

«Ну и дела! — недоумевают мужчины. — Как же теперь? Неизвестный случай в нашей первобытной практике. С одной стороны, может, у него действительно в животе не урчит, а сытый голодному, конечно, не товарищ. С другой — и мы ведь не только для себя стараемся, а для всего общества. Дать ему палицей по маковке за наглость или не дать? — вот в чём вопрос».

Так размышляли мужчины. И по своей первобытной привычке

размышляли неспешно — быстро ещё не умели.

А пока раздумывали, солнце высоко взойшло и время охоты упущено.

— Слушай, Лохматый, — оседало тут мужчин, — ты ж всё стадо без еды сегодня оставил. С какой стати из-за твоей сытости общество голодать должно?..

Сами понимаете, время первобытное, нравы дикие. И Лохматый, этот первый, кто противопоставил своё желание общему, прожил недолго.

И своя справедливость в этом была.

Добывать пищу было так трудно, а один человек мог так мало, что не оставалось другого выхода, кроме как участвовать **КАЖДОМУ** в общественном **ПРОИЗВОДСТВЕ**. Каждому без исключения. Только так могло всё стадо избежать голода. Иначе производство не удалось бы наладить.

ПРОИЗВОДСТВО

В принципе, это слово тебе знакомо, и в разных сочетаниях: «производственная практика», «производственные успехи», «современное производство»...

Современное производство — завод, производящий станки и машины. Электростанция, производящая электроэнергию. Фабрика, производящая костюмы из тканей, производящих другой фабрикой, с помощью станков, машин и электроэнергии. Колхоз, производящий зерно и овощи. Элеватор, производящий муку из этого зерна, и хлебокомбинат, производящий из этой муки хлеб.

Словом, всё, что нам нужно для жизни, для труда, обеспечивающего нашу жизнь, результат производства. И в этом смысле никакой разницы между современным производством и первобытным нет. И одно, и другое направлены на то, чтобы создать продукты, необходимые для существования и развития общества.

Казалось бы, трудно сравнивать современное производство, оснащённое турбинами в миллион киловатт и компьютерами, с первобытным. Между тем и то, и другое зиждется на «трёх китах».

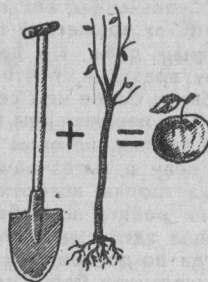
Первый — это ТРУД. Тут всё понятно: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», не говоря уж ни о чём большем. Ко всему нужно приложить труд.

Второй «кит» — ПРЕДМЕТ ТРУДА: то, к чему человек прилагает свой труд. Если производство включает в себя рыбную ловлю, предмет труда — рыба, если охоту, предмет труда — дичь, если изготовление копья — палка для древка и камень для наконечника.

Но при всём трудолюбии медведя, например, голыми руками не добудешь. Рыбку из пруда не вытащишь, например, без невода или, на худой конец, без удочки. Не добыть руду голыми руками, не выплавить стали без мартеновской печи.

Нужны СРЕДСТВА ТРУДА. Это как раз третий «кит».

Для металлурга руда, а для машиностроителя сталь — предмет труда. Из этой стали машиностроитель делает шагающий экскаватор — ОРУДИЕ ТРУДА горняка. Или кирку — тоже орудие труда горняка. Все друг от друга зависят. Дело в том, что, включившись в процесс производства, люди — хотят они того или нет, стремятся к тому или не очень — вступают друг с другом в ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Цифры

А что такое современное производство, можно себе представить хотя бы по тому, сколько производит советская промышленность только за один день:

по поводу

418 тысяч тонн стали. Чтобы её вывезти, понадобилась бы автоколонна из 83 600 пятитонных грузовиков.

слова

1545 тракторов. Этого количества хватило бы для оснащения колхозов почти целого района.

производство

2040 тысяч пар обуви. Если учесть, что нормальным считается обеспечение тремя парами обуви на человека в год, то за день удовлетворяется потребность 680 тысяч человек.

5,6 тысячи квартир. То есть за три дня заселяется целый город в 60 тысяч жителей.

Как Николай Экономов организовал игру в производство

Сколько бы лет ни прошло, а 27 января — день полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады — навсегда останется для ленинградцев особым, праздничным днём. По давно установившейся традиции наш журнал ежегодно отмечает этот праздник, поэтому сегодня мы снова вспомним Ленинград блокадной поры и события более чем сорокалетней давности.

Все ленинградцы-блокадники хорошо помнят одну «блокадную деталь» — узенькие тропки, которые проложили люди среди сугробов, наметённых метелями. Тропки вели к магазинам, к прорубям на Неве, к школам, к больницам... Была и ещё одна тропка, которую не смогла занести и самая свирепая метель, — та, что проложили ребята по набережной Фонтанки во Дворец пионеров. В самые тяжёлые дни войны здесь не прекращались занятия кружков, в том числе и литературного, его тогда по-довоенному называли «литературной студией». В то время приходили сюда и школьники Леон Гроховский и Лёва Мархасёв.

Леон Павлович Гроховский и Лев Соломонович Мархасёв сегодня у нас в гостях. Мы печатаем их воспоминания.

Леон ГРОХОВСКИЙ

Рис. Н. Котляревского

Лев МАРХАСЁВ

ПОД ОБСТРЕЛОМ — К СТИХАМ, ВО ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Гроховский. В моей памяти сохранилось не так уж много конкретных воспоминаний. Но приходит на помощь моя блокадная записная книжка. Вот одна запись: «Декабрь 1942 года. 29-е. Во Дворец пионеров...»

Помнится, я пришел во Дворец пионеров на собрание пионерского актива (я был тогда начальником штаба пионерской дружины 146-й школы). Помню, повели нас потом на ёлку, а ёлка в блокадном Ленинграде уже сама по себе была сказочным чудесным подарком. А ещё врезалось в мою память объявление о том, что во Дворце пионеров тогда-то и тогда-то соберётся литературный кружок... Я тут же решил, что непременно в этот кружок буду ходить. Но пришёл я туда только осенью 1943 года и на первом же занятии услышал, как читают свои стихи Игорь Западалов и Лёва Мархасёв.

Мархасёв. С осени 43-го года наши занятия в кружке стали регулярными, хотя и до этого мы приходили во Дворец пионеров. Когда я говорю «мы», я прежде всего имею в виду ребят, живших неподалёку от Дворца: на Невском, набережной Фонтанки, улице Рубинштейна, Ломоносова...

Вы, конечно, понимаете, что в те дни сам путь во Дворец часто бывал опасен: в 15 или 20 минут, которые были нужны, чтобы добраться до Дворца, часто случались артиллерийские обстрелы. Ведь фашисты вели прицельный огонь и по этому «военному объекту». Но к этим обстрелам мы как-то притерпелись и, переходя от одного дома к другому, от подъезда к подъезду, в которых прятались от разрывов снарядов, добирались до Дворца вовремя. Опоздать на занятия кружка — вот этого мы действительно боялись.

Гроховский. Я жил далеко от Дворца — в больнице Мечникова, где работала тогда моя мама. Приходилось идти через весь город и нередко пешком, хотя трамваи в сорок третьем году и пустили, но ходили они нерегулярно.

Надо было идти по Пискарёвскому проспекту, Среднеохтинскому, через Большеохтинский мост, по Суворовскому и Греческому к Московскому вокзалу и дальше — по Невскому. По всему пути, да и на самом Невском, встречалось не так уж много прохожих. Почему-то особенно запомнился мне этот путь зимой: вьюга, сугробы, среди снежных завалов тропинки, ведущие мимо разрушенных домов... Вот и дом на углу Невского и Фонтанки (где теперь Куйбышевский район-исполком и другие учреждения). Он был совершенно разрушен, а вместо фасада — нарисованная, как в театре, декорация...

Я знал и ещё нескольких ребят, тоже приходивших во Дворец издалека.

Зато всё искупалось, когда мы наконец поднимались на второй этаж бокового правого флигеля и попадали в уютную комнату, где было светло, чисто и тепло — будто и нет никакой войны...

Конечно, эти поездки (или, вернее, походы) во Дворец пионеров были очень опасны. Помню, однажды где-то уже на самом Невском, совсем немного не дойдя до места, попал под обстрел. Дружинники и милиция останавливали всех застигнутых обстрелом на улице и предлагали спуститься в бомбоубежище. За Главным штабом вполне небеса полыхало зарево пожара. Я попытался проскользнуть через оцепление, но был остановлен и препровождён в подвал ближнего дома. Возле подвала стояли сандружинницы с носилками. На носилках лежала девочка лет двенадцати с забинтованной ногой, по-видимому, её ранило осколком. На занятия в тот день я так и не попал...

Уже потом, после войны, я как-то спросил у мамы:

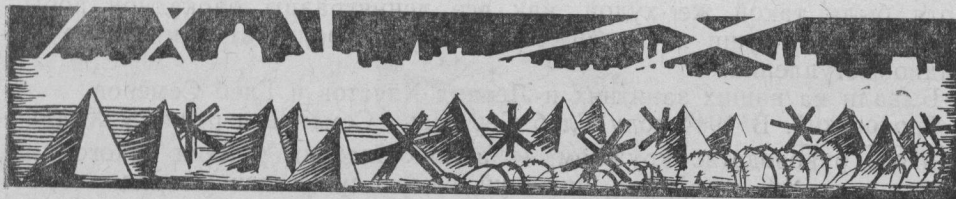
— Как же ты отпускала меня? Как не боялась?

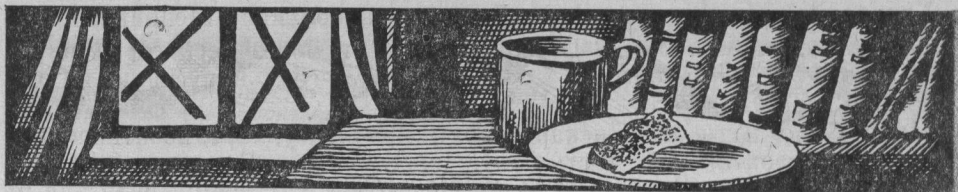
Она мне ответила просто:

— Сама не знаю... Ты так туда рвался!

Да, действительно, в кружке нам было очень хорошо.

Мархасёв. И это во многом заслуга писателя Сергея Исааковича Хмельницкого, который руководил тогда кружком. Это он создал атмосферу тёплого и сердечного уюта, внимания и заинтересованности в каждом из нас. В моей памяти он остался удивительно добрым, умным человеком, умевшим каждого ободрить и расположить к себе и друг к другу. Он отличался каким-то поистине отцовским терпеливым и вдумчивым отношением к нашим незрелым сочинениям. Помню, он всегда говорил с нами спокойно, тихо (а может, мы все тогда старались не кричать — слишком много грохота и шума принесла война?), никогда не критиковал обидно или с насмешкой, даже о слабых стихах или рассказах старался сказать так, чтобы не возникло горького чувства. Но при этом он не льстил, был правдив, старался, чтобы самые суровые приговоры тому, что плохо, мы выносили сами и чтобы делали это с уважением и верой в то, что следующий рассказ нашего товарища или его стихи, конечно же, будут гораздо

лучше. Как я теперь понимаю, Сергей Исаакович отличался поразительной чуткостью. А может, он нас ещё и жалел: ведь нам было по тринадцать-четырнадцать лет и жили мы в осаждённом городе, по которому стреляли?

Вспоминаю, как он посвятил целиком два занятия разбору моей детской поэмы «Портрет рыцаря». Она была написана о партизанах Франции, боровшихся с фашистскими оккупантами, написана в романтическом духе, тем же поэтическим размером, что и знаменитая поэма американского поэта Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Ивана Бунина. Как раз от Сергея Исааковича я и узнал впервые много интересного и о Лонгфелло, и о Бунине. Так он учил нас не только азбуке стихосложения или прозаического повествования, но и посвящал во многое, чего мы не могли услышать на уроках в школе.

Конечно, мы бросились сразу же доставать и читать и книги самого Хмельницкого. Тогда это было нелегко: почти все библиотеки были закрыты. Большое впечатление на меня произвела тогда книга Сергея Исааковича о замечательном средневековом враче Андре Везалии.

Гроховский. А у меня сохранилась блокадная тетрадь с литературными заданиями, которые давал нам Сергей Исаакович: написать рассказ о блокадных мальчиках, или о мальчишке-партизане, или о концертах детской самодеятельности в госпиталях — мы все тогда выступали для раненых... Эти прозаические «пробы пера» вперемешку со стихотворными тоже сохранились у меня. Вот отрывок из стихотворения, написанного 29 декабря 1943 года:

*Новый год смертелен
Для врагов России.
Мы его приблизим.
Час победы близок,*

Мархасёв. То, что «час победы близок», было видно ещё и по тому, что мы — воспитанники Дворца пионеров — теперь гораздо чаще, чем раньше, выступали и в зале самого Дворца пионеров, и на некоторых «больших сценах», например, в Саду отдыха (так назывался тогда сад Дворца пионеров). Принимали участие в олимпиадах детского литературного творчества. Читали свои стихи в студии Ленинградского радио. А стихи были о салютах победы над Невой...

Хорошо помню, как однажды к нам на занятия пришла Ольга Фёдоровна Берггольц. Показалась она нам молодой, очень красивой, хотя была такой же худой, как все ленинградцы блокадной поры. Но мы в ней души не чаяли, старались не пропускать ни одного её радиовыступления.

Бывали на наших занятиях и Леонид Хаустов и Глеб Семёнов.

Гроховский. В 1944 году Глеб Сергеевич Семёнов перенял у Хмельницкого руководство кружком. И в пробуждении у меня такого интереса к поэзии он сыграл, пожалуй, самую существенную роль.

Когда я сейчас перелистываю свою старую записную книжку, то среди «главных записей» 1943 года неизменно останавливаюсь на этой: «Телефон Дворца пионеров — А8-40-82, телефон руководителя художественного отдела Марии Львовны — А1-32-14».

Представляете, как это было важно: сама возможность позвонить во Дворец пионеров, узнать, что он работает, что там тебя ждут, будут тебе рады и в полной тишине выслушают твои стихи! А стихи для нас значили много!

И это осталось на всю жизнь! С тех блокадных занятий в литературном кружке Дворца пионеров.

Недавно я закончил поэму, которая называется «Блокадный дневник». Поэма сложна по конструкции, написана «белым стихом», адресована взрослым читателям, но небольшой отрывок из неё мне всё-таки хочется привести:

*«Дети!» — говорит в гимнастёрке зелёной
(хромает, с толстой палкой в руке,
подпоясан широким офицерским ремнём,
с обветренным красным лицом, на голове белизна седины)
немолодой человек с тусклой сталью в глазах...*

Говорит он нам: «Дети!» —

в ноябре 43-го года говорит нам: «Пишите стихи!»

*В этом царском пионерском дворце,
от зашторенных окон до огромных безжизненных люстр,
от пухлых потолочных амуров до наших усохших желудков —
мир искусства в хрустальном пространстве живёт...*

*Балладу о бардах шотландских в ноябре 1943-го
Лёва Мархасёв нам читает, от восторга слегка завывая,
прозрачный от голода, нынче он хлебом поэзии сыт...*

*На улицу Куракина, 1/3, я домой возвращаюсь
через весь город пешком,
не замечая оголённых фасадов,
обрушенных недавним артиллерийским налётом.
И в моих барабанных перепонках
продолжает вибрировать волшебная музыка слов...*

У Московского государственного центрального театра кукол есть своя эмблема: рука кукольника. Мизинец и большой палец — прижаты к ладони, а на указательный надет маленький шарик для настольного тенниса. Посмотри — чем не голова смешного человечка?!

В этой эмблеме соединились два главных условия жизни кукольного театра — преобразование и умение владеть своей рукой. Положение руки кукольника, которое ты видишь на эмблеме, — первая буква в большом алфавите искусства кукольного театра, потому что именно так начинается работа актёра с простой перчаточной куклой. Да и твоя рука находится точно в таком положении, когда ты продаваешь её в тряпичное тело клоуна, просовываешь в пустую голову из папье-маше указательный палец и лихо раскланиваешься клоунской головой:

— Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

Кукла оживает, и это волшебство творит твоя рука. Недаром ведь Сергей Владимирович Образцов, руководитель Театра кукол, говорит: «Рука актёра — душа куклы». Но рука и сама может стать актёром.

Как!

Дождись вечера, когда темнота уже забралась в окно твоей комнаты, включи лампу или фонарик так, чтобы они отбрасывали на стену светлое пятно, и для представления всё готово. Теперь дело за твоим воображением и ловкостью.

Но сначала покажи-ка свои руки... Так. Подними их над головой. Потряси... Теперь расправь пальцы... Правильно! А теперь представь, что это у тебя не руки, а крылья и что ты летишь над землёй, набирая высоту... Так. А теперь ты уже не летишь, а хлопаешь крыльями, как курица над цыплятами... А теперь сложи свои крылья и устремляйся вниз, как коршун на добычу. Получилось! Конечно. Ведь секрет преобразования ты знаешь с самого рождения.

А вот как сложить, согнуть, скрестить руки, чтобы на стене на освещённом экране ожили силуэты бабочки, утки, волка, козы, слона, верблюда!

Этому надо научиться. Про это мы будем рассказывать тебе в «Театре теней». А сейчас прислушайся... уже дан третий звонок... Представление начинается.

ЧЁРНЫЕ ТЕНИ НА БЕЛОЙ СТЕНЕ

Родилась я после войны. А в блокаду жили в Ленинграде моя мама, бабушка и прабабушка. Жили они на кухне, а в комнаты иногда «ходили в гости» — в комнатах было холодно, как на улице.

Бабушка и мама садились там рядышком на стул и молчали, потому что за них говорили воспоминания о довоенных вечерах и праздниках...

Даже довоенные огорчения, и те казались счастливыми. Впрочем, обо всём этом я знаю мало. И после войны мама с бабушкой редко говорили о тех днях. Вероятно, они слишком хорошо их помнили.

А если и вспоминали, то вот какой эпизод.

Окна — для светомаскировки — были закрыты чёрной материей, и когда сквозь оконную темноту пробивался луч света, на стене появлялся маленький белый прямоуголь-

ник, будто чья-то невидимая рука распахнула на стене окно. И тогда мама в этом тоненьком пучке света поднимала скрещённые ладошки, начинала слегка покачивать крепко сжатыми пальцами, и в распахнутом светлом окне на стене появлялась бабочка. Она лениво помахивала крыльями и то уменьшалась, то увеличивалась, застилая своим чёрным бархатным телом весь экран. Весь свет!

— Это траурница, — говорила моя мама своей маме. — Я так хотела поймать её раньше, ещё до войны, а теперь она сама к нам прилетела.

И снова чёрные бархатные крылья закрывали белый прямоугольник света.

И тогда бабушка протягивала в пучок света свою левую руку. Она сгибала ладонь, сложив указательный и большой пальцы так, что на стене, вытянув шею, появлялась утка. Утка тянулась к бабочке, боролась с ней и побеждала.

— Всё, — говорила бабушка. — Нет больше твоей бабочки. Так ей и надо. Не будет заслонять свет.

— Хорошо, — соглашалась моя мама.

После войны две эти тени — бабочка и утка — приходили в гости уже ко мне. Мягкий мирный свет высвечивал на стене небольшой квадрат. Бабочка, которую показывали мамины руки, махала крыльями и навевала сон. Сон. Сны. Радость. Впрочем, может, это была другая бабочка?..

Бабочка и утка — актёры моего детского театра теней. Они так и остались бы одни, если бы однажды, через много лет после детства, я не увидела в книжном магазине старую французскую книгу с удивительным названием: «Большая энциклопедия игр и развлечений для ума и тела», а на 480-й странице не встретила бы... с бабочкой. Потом — с уткой... Потом... В общем, на этом листе

разместилась целая труппа актёров теневого театра, которых и ты можешь «сотворить» сам. С каждым из них связаны сказки, истории, легенды... Вечером в мирном свете лампы твои руки и воображение обязательно создадут их причудливые силуэты.

Но сначала вспомним сказки про саму ТЕНЬ.

ГДЕ ТВОЯ ТЕНЬ?

Один учёный приехал в незнакомую страну. Он поселился в доме, и, когда выходил на балкон подышать свежим воздухом, его тень оказывалась на балконе дома, расположенного напротив. И вот однажды... однажды этот учёный послал свою тень в тот соседний дом узнать, кто в нём живёт и что там происходит.

И что, ты думаешь, произошло?

Его тень от него ушла. И это при-

несло нашему учёному много горя, а потом — и смерть.

Эта грустная сказка принадлежит перу Ганса Христиана Андерсена и называется «Тень».

Но почему тень наделена такой силой? Ведь она просто... тень!

— Э, нет, — сказали бы наши далёкие предки. — Тень — вещь серьёзная, и шутки с ней плохи. Потеряешь тень — пропадёшь, потому что тень — часть тебя, твоя душа...

Конечно, эти рассуждения наших далёких предков почерпнуты из старых преданий, но вот то, что между светом и тенью, ночью и днём, человеком и его тенью всегда идёт борьба, — это наши предки подметили очень точно.

Да ты и сам подумай: разве не наводит на размышления борьба ночи и дня? А каковы взаимоотношения человека с тенью? Вон в полдень вся тень стягивается к ногам и не видно её вовсе, а стоит солнцу склониться к горизонту — тень уже выросла, стала больше хозяина, скачет, извивается...

Чем не сказочный сюжет? И сказки о тени, конечно, рождались в разных странах и в разные времена. А самая знаменитая сказка о тени написана немецким поэтом Адельбертом фон Шамиссо и называется «Необычайная история Петра Шлемиля». В XIX веке не было в Германии человека, который бы её не знал. Вот эта сказка.

...Жил в Германии один юноша. Звали его Петер Шлемиль. Известно, как бы сложилась его судьба, не встреть он однажды таинственного человека в сером сюртуке, который так восхитился тенью Петра Шлемиля, что захотел её купить. «Что за ерунда!» — подумал

Петер и... продал свою тень. Человек в сером сюртуке свернул тень Петра в трубочку, поднял её с земли и сунул в карман. А Петеру вручил волшебный кошелёк, в котором никогда не переводились деньги.

С того дня дела у Петра пошли очень плохо.

— Человек без тени — не человек! — говорили ему люди и не хотели иметь с ним дела. И золото не принесло ему счастья.

Вы, конечно, догадались, что тот человек в сером был чёртом, он купил тень Шлемиля, надеясь получить и его душу. Но душу Петер не продал. Он бросил в пропасть волшебный кошелёк, и хотя не вернул себе тени, от дьявольской власти освободился и начал новую жизнь. Он купил себе сапоги-скороходы и обошёл всю землю.

Петер Шлемиль — человек без тени — стал знаменит. В 1820 году в Кёнигсберге — нынешнем Калининграде — появился «Сад Шлеми-

ля», сад, в котором деревья были посажены так, что не отбрасывали тени. А в 1824 году была изобретена лампа «а ля Шлемиль» — лампа без тени. Шлемиль был героем карикатур, а сам сюжет, рассказывающий о перипетиях борьбы человека и его тени, много раз потом использовался другими сказочниками.

Наш с тобой земляк-сказочник, ленинградец Евгений Шварц иначе распорядился тенью, про которую писал Андерсен. У него учёный всё-таки одерживает победу над нею, как добро одерживает победу над злом, свет — над тьмой, а человек — над обстоятельствами, пусть даже самыми тeneвыми.

Такой конец нам больше подходит, не правда ли?

Рис. Л. Московского

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Дождись вечера. Установи лампу или фонарик так, чтобы они отбрасывали на стену или на белый экран светлое пятно.

Сделал!

Хорошо. Теперь проверь, видна ли на освещённом экране тень, когда ты вносишь в пучок света перед фонариком свою руку. Фонарик можно поднимать повыше или, наоборот, — опустить.

Получилось!

Хорошо. Подготовка к представлению закончена.

Теперь начнём репетировать.

Покажи свои руки. Так. Подними их, потряси, расправь пальцы. Вот у тебя большой палец, вот — указательный, средний, безымянный и мизинец. Это все твои актёры. Никого не забыли.

Теперь за дело.

Разверни руки ладонками к себе. Перекрести их и соедини так, чтобы большой палец правой руки оказался большого пальца руки левой. Остальные четыре пальца плотно сжаты и отведены в стороны.

БАБОЧКА

Вышло!

А теперь посмотри, что получилось на экране!

Да-да, правильно. Получилась бабочка — героиня нашего первого рассказа. Пошевели осторожно рукой, и она взмахнет крылом. Раз, другой... Молодец!

— А как делается утка! — спросишь ты.

Это тоже нетрудно. Только теперь у тебя действует одна левая рука. И устанавливаешь ты её вот каким образом: немного сгибаешь в ладони и убираешь внутрь ладони большой палец. Указательный палец округло загибаешь так, чтобы между ним и вытянутым средним была небольшая дырочка. Это — глаз утки. Что делают средний палец,

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

безымянный и мизинец! Средний — много согни и положи на безымянный. А мизинец отведи от них вниз.

Получилось!

Правильно. Получилась утка, которая раскрыла клюв.

Ну вот, с первой частью задания мы с тобой справились. Научились делать бабочку и утку, о которых сегодня рассказывали. А теперь — вторая часть домашнего задания. Она тоже очень важна для нас с тобой.

Ты познакомился с двумя персонажами Театра теней. Мы рассказали тебе о них историю. Теперь очередь за тобой. Придумай сам сказку про бабочку или про утку, или про бабочку и утку вместе.

Может быть, твоя сказка начнётся так: «Жила-была утка. Плыла она однажды по озеру и встретила бабочку...»

А может быть, так: «Летела над зем-

лёт бабочка...» Впрочем, лучше всего — и начало придумай своё.

Сказки, которые у тебя получатся, присылай нам в редакцию. Мы их прочитаем, обсудим и обязательно напечатаем, когда все домашние задания Театра теней будут выполнены.

Письма идут небыстро, заданий в Театре теней будет немало — обязательно после каждого нашего представления. Так что не откладывай со сказкой, поскорее сочини и присылай. Желаем тебе удачи.

Выступая на митинге за день до своей гибели, Индира Ганди сказала: «Если меня убьют, то даже моя смерть послужит делу дальнейшего развития сильной и единой Индии...» И она была права. Индия — многонациональная великая азиатская держава — по-прежнему идёт по пути экономической независимости и дружбы со всеми народами.

Мы совершим сегодня небольшое путешествие по Индии. И опять наш гид — Римма Баранникова. Она хорошо знает эту страну, прожила здесь пять лет — работала переводчицей, преподавала в колледже, ездила по Индии с лекциями об СССР.

«Искорка» посвящает этот материал памяти Индиры Ганди и национальному празднику страны — 35-летней годовщине Дня Республики, который 26 января отметила вся Индия.

Римма БАРАННИКОВА

Рис. Л. Епифанова

РЕКА СТЕКАЕТ С НЕБА

О, Ганга, Ганга, ты — широка,
Ты и богиня, ты и река,
Ты, Бхагиратхи, всегда красива,
О, Ганга, Ганга! Ты широка...

Песня, которую напевает Рамеш, юноша смуглый и тонкий, как молодой побег сахарного тростника, проста и мелодична, и я с удовольствием её слушаю. Это обращение к реке, что тихо плещется у наших ног, похлопывая зеленоватыми ладошками по каменным ступеням набережной, а древний город Бенарес возвышается над нами, бросая тени замысловатых куполов и башен в раздольные воды Ганги.

— Вам понравилась песня? — спросил Рамеш и с мальчишески гордой хвастливостью сообщил: — Я сам её сочинил!

— Очень хорошая песня! Но...

— Что «но»? — насторожился Рамеш.

— Я не поняла, к какой реке ты, собственно, обращаешься?

— Не поняли?

— погоди, Рамеш, не горячись! Я поняла, что ты обращаешься к Ганге. Но там ещё и Бхагиратхи...

— О! Бхагиратхи — это второе имя Ганги. Она взяла его себе, когда...

— Об этом есть легенда? Расскажи!

Рамеш учится на филологическом факультете, и его любовь к литературе, а моя — к легендам — основа нашей дружбы.

— С удовольствием, — сразу же соглашается Рамеш.

Вода в Ганге посветлела — её посеребрила луна, и было видно, как по шелковистой глади пробегает лёгкая рябь. Время от времени мы слышим тихий всплеск, кажется, это сама река подтверждает слова юноши.

Нет на свете богини добрее Ганги. Когда-то могущественный творец Вселенной Брахма создал её, чтобы уничтожить в мире зло и несправедливость, смыть с земли скверну и кровь, бедность и горе.

Но случилось так, что индийские боги в недоброй своей гордыне не захотели благоденствия людей и упростили Брахму не отпускать на землю красоту Гангу.

— Пусть богиня живёт среди нас, небожителей. Незачем ей, прекрасной и нежной, жить на земле среди грешников и злодеев, — говорили они.

— Пусть! — согласился Брахма.

И настали на земле страшные времена — войны и разбои, засухи и бури иссушили, опустошили её.

Что было делать людям? Они знали, что только Ганга может им помочь, и потому молили её

— Спустись к нам! Спаси нас! Но Ганга молчала.

И тогда вышел из пещеры к людям старый и мудрый отшельник Капил, прошедший долгие годы в суровом одиночестве, размышляя о добре и зле, о смысле жизни и презрении к смерти. Он сказал:

— Обращайтесь к Брахме! Только он может разрешить Ганге спуститься на землю.

— Мы должны умолять его? — спросили люди.

— Нет. Вы должны доказать Брахме, что стоите его забот.

— Но как?

— Один из вас, самый сильный и мужественный, должен совершить подвиги, которые удивили бы Брах-

му и обрадовали. Это должен быть герой, который, забыв о самом себе, совершит подвиги во имя людей, во имя жизни на земле.

Проходили годы, сменяли друг друга поколения, и находились храбрые, которые совершали великое множество подвигов. Но Брахма молчал.

Но вот наступило время, когда в одном славном роду вырос юноша по имени Бхагиратх. Он был так смел и силен и так предан всей душой стране и народу, что его подвиги потрясли Брахму. Он явился однажды юноше, когда тот, стоя у дедника Ганготри в горах Гималаях, в бессчётный раз молил Брахму отдать людям Гангу.

— Это ты, Бхагиратх, полил своим потом огромное поле?

— Да, — ответил Бхагиратх. — Но...

— И поле зазеленело! Да как буйно! — перебил его Брахма и снова спросил: — Это ты, Бхагиратх, спас людей, а потом своими руками построил для них новые дома? Один. Для целой деревни.

— Да. В тот раз песчаная буря засыпала деревню, — скромно потупился Бхагиратх. — Но...

— И люди, которых ты выкопал из-под песка, живы?

— Да, — ответил Бхагиратх. — Но...

— Ты их вылечил, и они снова здоровы и сильны, — задумчиво говорил Брахма, опять перебив Бхагиратха. Он, всемогущий, долго перечислял всё, что сделал юноша для людей, и наконец спросил:

— Чем я могу вознаградить тебя?

— Ты знаешь об этом! Я уже много лет каждое мгновение молю тебя об одном — спусти Гангу на землю!

— Да будет так! Люди, рождающие таких сыновей, как ты, имеют право на мою прекрасную дочь! — сказал так Брахма и исчез.

Гордый юноша смотрел, ожидая, на небо, а оно сияло над его головой спокойной голубизной, и было трудно поверить, что можно чем-то взволновать это невозмутимое спокойствие.

Но вдруг небо побледнело. Вначале немного. Потом больше. Ещё больше. Ещё больше! Потом оно стало

пронзительно белым, каким не бывало никогда прежде. Вот в белизне начали появляться пятна цвета! Кольца! Круги! Ещё мгновение — и небо заестрело радужным разноцветьем облаков. И вдруг раздался неслышанный грохот, такой, что Бхагиратху показалось: загремели тысячи туч, поднялись миллионы бурь! На землю рядом с юношей упала стрела молнии, вонзилась в гору, образовав воронку, в которую тут же упала с неба огромная и тяжёлая капля воды, заполнила воронку, выплеснулась из неё и потекла к ногам Бхагиратха.

Бхагиратх засмеялся от великой радости, сложил руки в сердечном приветствии и низко поклонился богине, превратившейся ради людей в реку:

— Спасибо, красавица-Ганга, спасибо! Я поведу тебя к Океану! Идём!

Бхагиратх шёл быстро, а река широкой лентой текла за ним по чёрной иссушенной земле. И едва воды Ганги касались её, она превращалась в цветущие сады, в поля, колоссящиеся злаками, в поля, покрытые свежей зеленью.

Юноша шёл, сворачивая то в одну, то в другую сторону.

Вода ласково коснулась его ног, и юноша сразу почувствовал себя необыкновенно сильным. «Что такое? — подумал он. — Никогда я не был таким бодрым. Будто и не работал без усталости несколько лет, не спал урывками... Почему так?» Он подумал про себя, а в ответ ему прожурчал голос:

— Это я, Ганга, освежила тебя. Нам предстоит далёкий путь. Веди же меня, герой. Я буду течь по пути, который ты мне укажешь.

— Почему ты идёшь такой странной дорогой? Ведь до Океана можно добраться быстрее, если идти прямо!

— Ты права, Ганга! Но тогда слишком мало земель смогут напиться твоей водой.

— Хорошо, иди, как хочешь. Я следую за тобой.

Прошёл месяц.

И два месяца прошло.

А юноша и не думал останавливаться. Несколько раз просила его Ганга: «Передохни!» Но он отве-

чал ей, продолжая шагать по пыльной, переставшей плодоносить земле:

— Тебя ждут, красавица-Ганга! Земля и люди умирают от жажды!

То взбираясь на возвышенности, то спускаясь в долины, прошёл Бхагиратх, и протекла за ним Ганга не одну тысячу километров.

И вот перед ними — Океан.

— Мы дошли, красавица-Ганга. Неси теперь свои чистые, святые воды в Океан. Отдохни. Это — конец нашего пути.

— Мы дошли, — благодарно всплеснула волною Ганга. — Спасибо тебе. Ты вёл меня долгим, трудным, но прекрасным путём! Как зовут тебя, юноша?

— Бхагиратх.

— Ты разрешишь мне с этого дня называться твоим именем?

— Зачем? У тебя уже есть имя...

— Да, при рождении меня назвали Гангой. Так я и буду называться всегда. Но я хочу взять вторым своим именем — твоё. Пусть никогда не забудут люди, как много ты сделал для них. Ты разрешаешь?

— Конечно, — растерялся юноша. — Но...

Но Ганга уже не слышала его, она в последний раз накрыла на мгновение юношу своей ласковой и тёплой волной и упала в воды Океана.

Рамеш рассказывал, я слушала, и мы оба смотрели на великую реку, противоположный берег которой сейчас только угадывался.

— Смотри, какая она сейчас спокойная! — сказала я.

— Да, — согласился Рамеш и вдруг рассмеялся. — Я вспомнил своё первое стихотворение, первую песнь о Ганге. В ней как раз пелось о том, что она никогда не бывает спокойной!

— А ты давно пишешь песни, Рамеш?

— Давно.

— Хочешь стать поэтом?

— Хочу. Мне кажется, что поэт может прожить тысячи жизней. И это так интересно. Вот, например, когда я пишу о Бхагиратхе, я чувствую себя героем, смелым и сильным, готовым на любой подвиг... Пишу о птицах — и чувствую, что лечу. Даже ощущаю удары ветра о крылья, вкус небесной прохлады... Вам это кажется глупым? Смешным?

— Нисколько. Я прекрасно понимаю тебя и согласна — поэт живёт жизнью того, о ком пишет. Иначе он — не поэт.

— Правда, правда! Иначе — не поэт...

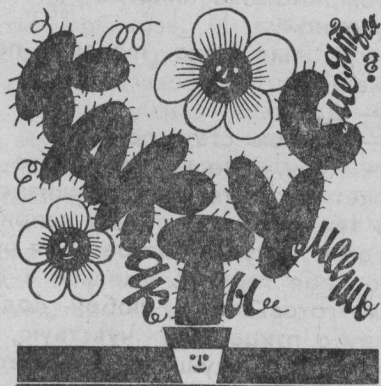
*Черной шалью с золотым узором
Эта ночь укрыла плечи нам... —*

пропел Рамеш и застенчиво сказал: — Мне бы хотелось написать песни обо всех наших героях... И древних и настоящих!

— Это прекрасно, Рамеш! В твоей стране всегда было много героев.

Наступало утро. Город над нами просыпался, и по ступеням набережной спускались девушки с кувшинами на голове, спускались за сладкой и целебной водой Ганги...

зался флажками — и хоть на парад. Вернее — на новогодний праздник. В качестве домашнего красавца.

И пусть мы — кактусы — не ёлки, я тоже могу порадовать вас, ребята. Чем!

Конечно же, весёлыми историями, стихами и картинками!
С Новым годом, друзья!

Таня и Маша собирались в цирк. За два часа до начала представления Танин папа посадил девочек на трамвай, и они поехали в цирк через весь город.

— Удачный у нас день! — сказала Маша, когда двери трамвая хлопнулись.

— Просто ужасно-ужасно удачный! — ответила Таня, опустила в

Я очень люблю зиму. Чтобы больше не возвращаться к этой теме, заранее предупреждаю, что не менее сильно люблю я весну, лето и осень.

Зимой грущу только об одном — почему я не родился ёлкой! Ведь она мне почти родственница, и иголки ненамного мягче моих, а сколько ей внимания!

Едут за ней в лес. Пробираются, увязая в снегу. В город везут — на машинах. Стоят за ней в очереди. Выбирают её тщательно. А принесут домой — радуются, украшают, танцуют вокруг неё.

Будь я ёлкой — водрузил бы себе на макушку шпиль и стал высоким и стройным. Повесил бы на каждую колючку погремушку, обмотался бы гирляндой, объя-

кассу шесть копеек и оторвала два билета.

— Дай посмотреть... — попросила Маша.

— Сейчас... Только я вначале себе выберу. — Она старательно шевелила губами, складывая цифры: — Два плюс три, плюс восемь. Это будет — тринадцать, а здесь шесть, ноль и семь... Счастливый! — воскликнула она. — И как раз мой!

— А почему? Почему твой?

— Ну, потому, что этот билет — второй. Если бы мы ехали по отдельности, я, как вежливая девочка, должна была бы вначале оторвать билет тебе, а потом себе. Второй билет и оказался счастливым. А твой билет только на одну цифру не сходится.

— Дай я посмотрю... — насупившись, сказала Маша. — Может, как раз всё наоборот.

— Почему же наоборот? Вот смотри: это первый билет, он твой. А это второй. Он мой. Сейчас я его съем и целый день буду счастливая.

ОЛЕГ
БУНДУР

Встретила утром собаку
собака:

— Как поживаешь?

— Неважно, однако:

Мёрзнут и лапы, и уши, и нос.

Сама понимаешь — собачий
мороз!

ОШИБКИ

Сосиски
были
калососисных
размеров.

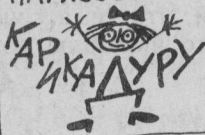

— Я БУДУ ШОФЁРОМ, —
СКАЗАЛ ПЕТРОВ, — ЗАЧЕМ
МНЕ СИНТАКСИС?

Вове купили
сезонную
куртку.

В
СТЕНГАЗЕТЕ
НАРИСОВАЛИ

Витя
вернулся
домой

СО СЛАА-

СЛОМАННЫМИ

лыжами.

ПУТЬ ГЕРОЕВ
ПРОЛЕКАЛ

ПО

ЖАРКИМ СУБТРОПИКАМ

СОБРАЛ ЮРИЙ БУКОВ

— Конечно, наоборот! — сказала Маша и, оторвав свой билет, быстро засунула его в рот. — Это мой счастливый билетик!

— Отдай! — закричала Таня, но Маша билет уже проглотила.

— Ну и ладно! — сказала Таня. — Я тогда и разговаривать с тобой не буду.

Она засунула в кармашек свой трамвайный билет и отвернулась от Маши.

А как раз в это время трамвай остановился и в вагон вошла контролёр с красной повязкой на рукаве.

— Граждане пассажиры! — громко сказала она. — Приготовьте ваши билеты!

Когда очередь дошла до Тани, та протянула контролёру свой билет, и контролёр, надорвав его, повернулась к Маше:

— А у тебя, девочка, есть билет?

— Есть! — ответила Маша. — Только он у меня вот здесь...

— Где?! — удивилась контролёр.

— Здесь... — Маша чуть покраснела. — В животе.

— Как это так — в животе? Как он туда попал?

— Я проглотила его.

— А ты, девочка, не придумываешь?

— Ну что вы! — сказала Маша. — Я не придумываю. Таня, например, видела, как я его проглатывала. Ведь правда, Таня? Да?

— Отстань от меня! — сказала Таня. — Я с тобой и разговаривать теперь не хочу.

— Вот видишь, девочка! — вздохнула контролёр. — Значит, обманываешь. Ездишь без билета, поэтому с тобой и другие девочки не хотят разговаривать. Придётся тебе со мной сойти. Раз ты одна в трамвае ездить не умеешь, пусть приедут за тобой твои родители.

«Ну и пусть...» — услышав это, подумала Таня. — И пусть она в цирк не попадёт, раз чужие счастливые билетки есть». Так она и просидела, упрямо отвернувшись к окну всё время, пока Маша пыталась объяснить контролёру, что опаздывает в цирк.

— Дома тебе устроят цирк... — неодобрительно пообещала контролёр и вывела Машу из вагона.

Двери трамвая захлопнулись, и он покатил дальше, к цирку. А Таня посмотрела немножко в окно и, чтобы не думать про Машу, стала машинально складывать на своём билете цифры.

— Два плюс три, плюс восемь — тринадцать. Шесть плюс ноль, плюс семь...

Таня от удивления даже покрутила головой.

Ну, точно же!

Она держала в руках счастливый билетик.

Значит... Значит, Маша, торопясь, проглотила другой, несчастливый!

СОБРАЛ В. ВЕРИЖНИКОВ *

МАМИНЫ ПОМОЩНИКИ

Постоянно помогает маме Толя Квасов. Так, вчера он самостоятельно стёр пыль с комнатного термометра.

А Вова Т. (фамилию он просил не называть), помогая маме, дворнику, убирать тротуар, так увлёкся, что соскрёб не только снег, но и весь асфальт.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ПЕДАГОГОВ

У Пети Трезубева знания настолько большие, что просто не помещаются в голове.

РЕКОРДЫ ЛЮБИ!

На соревнованиях по боксу после сильнейшего удара противника Миша Гузкин взлетел в воздух... и превысил рекорд школы по прыжкам в высоту.

ОТЛИЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

38 пятёрок из 38 возможных получили за сочинения ученики 4-б класса. Дело в том, что тема сочинения была «За что я люблю конфеты?»

Вова в шашки
целый вечер
сам с собой играл.
За победу
шоколадку
Вова присуждал.

**БОРИС
СУЛИМОВ**

Ну а чтоб
в обиде не был
тот, кто проиграл, —
мармеладкою
бедняжку
Вова утешал.

Я иду домой с конфетой,
Я шепчу конфете этой:
— Ты терпи, терпи, конфета,
Берегись опасных дум!
Ведь моя сестрёнка Света
Тоже любит «Каракум»!

Таня не удержалась и прыснула,
так ей вдруг стало смешно.

Пассажиры в трамвае удивлённо
на неё оглядывались, а Таня смея-
лась. Ну как же было не смеяться,
если и билет Маша съела несчастли-
вый, и из трамвая её высадили, и в
цирк она сегодня не попадёт!

Подумала Таня о цирке и вдруг
смеяться перестала. Таня вспомни-
ла, что билеты в цирк остались у
Маши.

А трамвай мчался по городу, об-
гоняя автобусы.

Таня засунула было счастливый
билетик в рот, но тут же выплю-
нула.

Он был совсем не вкусный.

ТАТЬЯНА
НИКОЛЬСКАЯ

ЗАГАДКА

Зелен он и весь в иголках,
Но не ёжик и не ёлка.
На кого же он похож,
Хоть не ёлка и не ёж?

(Клятич)

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

«Зима в тундре
длится больше
года.»

ДЕКАБРЬ
32
СРЕДА

«Вдруг Герман
целовал скрип-
рессор. Это была
старая графиня!»

«Своими творчеством
Моцарт
отравил
жизнь
Сальери.»

«Раздался
свисток
Саловья-радби-
ника, и сражение
началось!»

«Край оброча,
панцирик требовал,
чтобы
крестьяне
подкладыва-
ли ему
свинью!»

КЛУБ ЮНОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ (шестьдесят первое)
Ведёт заседание почётный председатель клуба
В. С. Альбум-Маркин

Дорогие друзья!

Правление клуба юных коллекционеров поздравляет вас с наступившим Новым годом и желает вам в Новом году успехов и в коллекционерских делах, и в делах школьных!

Шестой год существования нашего клуба мы начинаем с путешествия по старинным русским городам. Поможет нам в путешествии серия марок, изданная почтой СССР в 1971 году. Называется серия «Историко-архитектурные памятники России». Автор марок — художник А. Калашников.

МОГУЧИЕ СТЕНЫ ИСТОРИИ

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ РУСИ

Первая марка серии «Историко-архитектурные памятники России» посвящена нашему соседу — городу Пскову. Туда и совершим мы наше первое путешествие.

Псков — город древний. Первое письменное упоминание о нём сделано в 903 году в «Повести временных лет». Если верить псковскому монаху-летописцу, здесь бывала при объезде своих земель даже киевская княгиня Ольга. Монах пишет, что сам видел её сани.

Всего 300 километров от Ленинграда на юг — и мы у древних стен Псковского кремля. Смотри, какие они внушительные. Эти стены в прошлые века выдержали двадцать шесть осад. «Как много!» — восхищаешься ты. Иначе и быть не могло. Ведь Псков целое тысячелетие был стражем русских земель на их западных границах. А защищать родные русские земли было от кого. Тут и немецкие рыцари-феодалы, и Великое княжество Литовское, и польские завоеватели...

Вот один из эпизодов древней истории. Он тоже был запечатлён в документах тех лет.

В 1581 году польский король Стефан Баторий предпринял завоевательный поход на Русь. В конце ноября войска Батория осадили Псков. Секретарь польского коро-

ля С. Пиотровский писал: «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город... Точно Париж...» Но Баторий со своим секретарём любовались Псковом только снаружи, только его крепостными стенами. Псковитяне, руководимые князем И. П. Шуйским, выдержали осаду, а поляки понесли значительные потери. 4 февраля 1582 года Баторий вынужден был осаду снять и убраться восвояси. Его завоевательный поход разбился о могучие стены Пскова.

НА РОДИНЕ САДКО

Теперь отправляемся в гости к другому нашему соседу — Новгороду. 200 километров на восток — и мы въезжаем на территорию Новгородского кремля.

Как и Псков, Новгород — один из древнейших русских городов. В прошлом году новгородцы отметили его 1125-летие. А старинная летопись рассказывает, что нынешний Новгород был заложен на месте ещё более древнего города, и археологи нашли его в трёх километрах от кремля.

И стены Новгородского кремля тоже древние. Впервые они были воздвигнуты в 1044 году. Но город рос, кремль расширял свои границы, и стены его неоднократно перестраивались. Последний раз — в 1484—1490 годах. Так что даже перестроенному Новгородскому кремлю, который ты видишь сейчас на марке, уже 500 лет.

В начале XII века Новгород получил от Киева политическую независимость. Не желая подчиняться княжеской власти, новгородские бояре создали феодальную республику. Все вопросы внутренней жизни и внешних отношений решались большинством голосов на новгородском вече. А князей новгородское вече призывало, только чтобы они встали во главе войска в годы, опасные для республики.

Правда, воевать приходилось часто. За 300 лет существования республики Новгород 26 раз вынужден был воевать со Швецией и 11 раз — с Ливонским орденом. И князь Александр Невский, замечательный русский полководец, дважды приходил из Владимира новгородцам на помощь, вставал во главе их войска и громил врага.

Огромен вклад Новгорода в русскую национальную культуру. Это и памятники архитектуры, и уникальные фрески, и иконы. В период мрачного средневековья, когда на Западе католическая церковь беспощадно преследовала и науку и искусство, в Новгороде была всеобщая грамотность. В стенах Новгородского кремля монахи-писцы создавали летописи, рассказывающие об истории Руси. Добрая половина рукописных книг, которыми располагают сегодня учёные, пришла к нам из Новгорода.

Новгородская земля родила много замечательных былин и легенд. Одна из них — об удачливом новгородском купце Садко. Так вот, не так давно выяснилось, что такой купец в древнем Новгороде действительно жил. Звали его Сотко Сытинович. Летопись утверждает, что он даже построил в кремле каменную церковь в честь Бориса и Глеба. Правда, храм этот до нас не дожил, но на его фундаменте в 1045 году был заложен Софийский собор.

КРЕПОСТЬ НА ДНЕПРЕ

Есть и ещё один древний русский город, охранявший западные рубежи Руси, — Смоленск. Он известен с 863 года.

Смоленск возник в верховьях Днепра на пути «из варяг в греки», на торговом перекрёстке. Позднее Смоленск стал «ключом» ко всем русским землям. Многих завоевателей соблазнял этот своеобразный «ключ», открывавший доступ в центральную часть Руси, потому судьба города и была не из лёгких: 100 лет находился Смоленск под властью Великого княжества Литовского, 50 лет принадлежал Польше.

Только в начале XVII века русский градостроитель Фёдор Савельевич Конь опоясал город семикилометровой крепостной стеной. Камень для крепости привозили из-

далека, иногда — за 200—300 вёрст от города. Жгли для крепости известь. Зато и получилась крепость отменной: стены 14-метровой высоты и 5-метровой толщины, укреплённые мощными боевыми башнями. Такую крепостную башню и ещё часть стены ты видишь на почтовой марке. А на переднем плане марки — памятник в честь освобождения Смоленска от немецко-фашистских захватчиков.

И в Отечественной войне 1812 года, и в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов Смоленск стоял на пути захватчиков. И в обеих войнах у стен Смоленска произошли кровопролитные битвы. Но в этих войнах крепостные стены решающей роли уже не играли.

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ

Следующая марка ведёт нас в глубину Руси — в Коломну. Город расположен на реке Оке, как раз посередине между Москвой и Рязанью. Находясь всего в 100 километрах от столицы, Коломна явилась укреплённым пунктом, охранявшим юго-восточные границы московских земель.

Коломна построена на высоком берегу Оки. Река защищала подступы к городу с юга, а с запада к городу подходили озёра и топкие болота. Так что даже природа делала город надёжной крепостью. Но только этого было недостаточ-

но. Опасаясь набегов татар, московский князь Василий Иванович в 1525 году заменил земляные стены кремля на каменные. И татарам Коломна в самом деле оказалась не по силам. А вот восставшие крестьянские войска Ивана Болотникова в 1606 году город захватить сумели. Отсюда они и начали поход на Москву.

Но скоро Коломна оказалась в центре русских земель, и её крепость, естественно, потеряла свою важную оборонительную роль. Башни и стены кремля стали ветшать и разрушаться. Камни кремлёвских стен использовали для ремонта зданий и мощения улиц. Только в 1906 году городские власти приняли решение о сохранении ансамбля кремля. Удалось спасти часть стен и башен, а также хоро-

шо сохранившиеся Пятницкие ворота, которые ты и видишь на марке.

ТВЕРДИНЯ НА ВОЛГЕ

О возрасте города Горького говорит сама марка. В её левом верхнем углу, рядом с оленем, сошедшим с герба города, чёткая надпись: «750 лет городу Горькому». А поскольку марка отпечатана в 1971 году, сосчитай — получается, что город основан в 1221 году. Эта дата была извлечена из Лаврентьевской летописи, которую мо-

нах Лаврентий из Печёрского монастыря переписал в 1377 году с ещё более древней летописи.

Город стал называться Горьким только с 1932 года — в честь родившегося здесь Максима Горького. А до этого назывался Нижним Новгородом. Вот подтверждение тому: «В лето 6729 (1221) великий князь сын Всеволодов заложил на усть Оки и нарече ему имя Новград». Эта выдержка из Лаврентьевской летописи о том, что князь Юрий Всеволодович на месте впадения Оки в Волгу заложил город. (Пусть тебя не смущает огромная цифра, обозначающая дату. Дата эта — церковная, исчисляется она якобы от сотворения мира.)

Крепость на Волге была очень нужна: казанские татары постоянно разоряли русские поселения. Поэтому город и начался сразу с крепости с высокими шестиугольными башнями. Правда, крепость эта сначала была деревянной.

Каменный кремль стали строить уже в 1374 году. Но таким, каким ты видишь кремль на марке, он был создан Петром Фрязиным в 1508—1511 годах. Сооружение это с точки зрения военной оказалось очень надёжным. Набеги татар в 1520 и 1536 годах были горожанами отражены.

Сегодня Горьковский кремль охраняется как исторический и архитектурный заповедник. На марке изображены Дмитриевская башня и часть кремлёвской стены. В башне размещился художественно-исторический музей.

СИМВОЛ НАШЕЙ РОДИНЫ

Стоит только тебе взглянуть на марку почтового блока, завершающего серию, и никаких подсказок уже не нужно — ты сразу узнал Московский кремль, хотя в Москве, может быть, ещё ни разу не был.

И ничего удивительного в этом нет — Московский кремль уже давно стал символом не только столицы, но и всей нашей огромной многонациональной Родины.

Чтобы у тебя не возникло путаницы, сразу же скажу, что башни, нарисованные на полях блока, никакого отношения к Московскому кремлю не имеют. Это башни кремлей и крепостей, в которых мы уже побывали: Пскова, Новгорода, Смоленска, Коломны и Горького.

Московский кремль не сразу стал таким, каким мы привыкли его видеть.

Суздальский князь Юрий Долгорукий заложил в 1156 году у слияния рек Москвы и Неглинки земляную крепость. Через 800 лет татары разрушили её, а город сожгли.

Прошло сто лет. Москвичи принялись за восстановление кремля. Но на этот раз стены и башни делали не земляными, а рубили из дуба. Но такая крепость князю Дмитрию Донскому не понравилась. Он готовился к борьбе с татарами, а потому приказал соорудить крепость из белого камня. С тех пор Москву и стали называть белокаменной.

В 1485 году началась ещё одна перестройка кремля. Теперь стены и башни клали из красного кирпича. Полностью все работы были завершены к 1516 году.

В плане кремль стал похож на неправильный треугольник. Длина его стен превышала 2 километра, толщина стен от 3,5 до 6,5 метра, высота — местами достигала 19 метров. Со стороны Красной площади вдоль стены был прорыт глубокий ров, заполненный водой. Ров тоже облицевали камнем, защитив его дополнительными стенами.

И ещё одна особенность: по приказанию Ивана III кремль со всех сторон был отделён от городской застройки свободной зоной. Вот эти стены и башни с незначительными более поздними переделками и дожили до наших дней.

До Октябрьской революции на башнях кремля торчали огромные медные орлы — символ самодержавия. Сейчас кремлёвские башни украшены красными звёздами. Чтобы звёзды были видны издали, сделаны они очень крупными: у звёзд Никольской и Спасской башен расстояние между концами лучей — 3 метра 75 сантиметров. Каждая такая звезда весит почти тонну. Зато красные звёзды мира и дружбы жители столицы и её гости видят и днём и ночью, — потому что каждая кремлёвская звезда изнутри подсвечивается очень мощными электрическими лампами.

В помощь следопыту,
попроцелуй
по тропинке
в лес

Сойка

Лесная

Голубая

Большая синица

Лесная

К фотографиям на 3-й странице обложки:

вместо точек поставь зверя или птицу.

Рис. Р. Попова

КЛУБ СМЕКАЛИСТЫХ РЕБЯТ

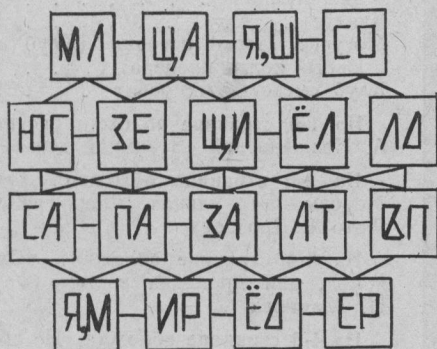
КОНКУРС «ДОРОГАМИ ПОБЕДЫ»

С этого номера начинается новый конкурс для смекалистых — «Дорогами Победы». Между теми, кто пришлёт правильные ответы на задания, напечатанные в этом номере, будет разыгран приз.

Ответы — до 1 апреля.

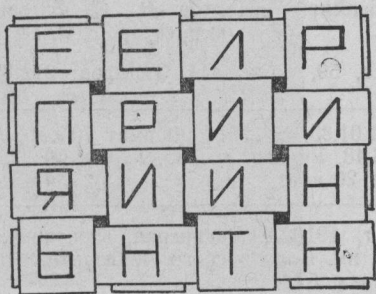
ЦЕПОЧКА

Это задание посвящено нашим героическим воинам — тем, кто разгромил врага и принёс освобождение народам Европы. Шагая по «цепочке» от звена к звену, прочтите строку из песни В. Соловьёва-Седого (4 очка).

ПЛЕТЁНКА

На четырёх горизонтальных и четырёх вертикальных (сверху вниз) полосках написана русская пословица. Когда полоски переплели, половина букв «спряталась». Восстановите текст (5 очков).

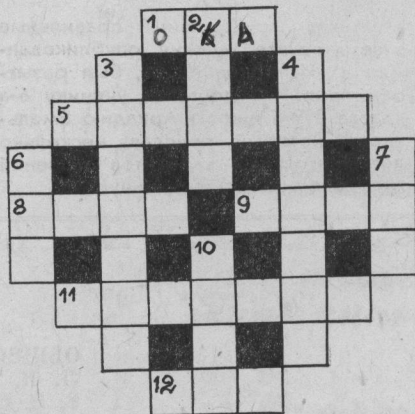

КРОССВОРД

Составил Аркадий Емельянов
(279-я школа)

По горизонтали: 1. Приток великой русской реки. 5. Военное звание. 8. Двухмачтовое судно с прямыми парусами. 9. Постановление высшего органа власти. 11. Столица европейского государства. 12. Вид энергии.

По вертикали: 2. Насекомое класса паукообразных. 3. Крупная птица отряда веслоногих. 4. Лётчица, Герой Советского Союза. 6. Река в Западной Сибири. 7. Рыба семейства карповых. 10. Декоративный и поделочный камень (5 очков).

ИЗ ТРЕХ — ЧЕТВЁРТОЕ

Переставьте все 9 букв этих слов так, чтобы получилось название вида спорта (3 очка).

БАК + ТОЛ + БЕС = ?

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

[Ответы на задания «Искорки» № 11]

КАКАЯ ПЕСНЯ?

«Запишите меня в комсомол».
Музыка Ю. Чичкова, слова В. Котова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Зебра. 6. Укроп. 8. Воскресенье. 9. Болонья. 12. Мобилизация. 13. Аорта. 14. Атолл.

По вертикали: 1. Бетон. 2. «Трактористы». 3. Аксельбанты. 4. Колье. 7. Керосин. 10. Донор. 11. Виола.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Пионер — товарищ и вожак октября».

ШАРАДА

Порог.

ПЛЮС — МИНУС

Ответ на рисунке:

$$\begin{array}{r} 10 - 2 = 8 \\ + 36 - 4 = 32 \\ \hline 46 - 6 = 40 \end{array}$$

Есть другие варианты решения

КТО ПОБЕДИЛ?

Между приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 11, был разыгран приз. Он достался ученику 6-а класса 279-й школы Аркадию Емельянову, который прислал несколько дополнительных вариантов решений головоломки «плюс — минус».

Содержание

Полуденный выстрел. Очерк Василия Островского	1
Стихи разных лет Анатолия Чепурова	6
Пепел войны. Очерк А. Шалимова	9
Голубое стекло. Повесть Николая Внукова	13
Загадки Нила Гилевича	15
Разговор с братьями Гримм. (К 200-летию юбилею со дня рождения Якоба Гримма). Стихи Николая Голя	29
Рассказы об экономике. Рассказ первый. Начало всех начал. Рассказчик В. Ковичев	34
Под обстрелом — к стихам, во Дворец пионеров. Беседа с Леоном Гроховским и Львом Мархасёвым	42
Театр теней. Вечер первый. Руководит театром Ольга Кустова	46
Река стекает с неба. Очерк Риммы Баранниковой (Про дальние страны)	50
Кактус	54
Могучие стены истории (Клуб юного коллекционера)	58
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок А. Ивашенцевой «В зимний день»

На 2-й странице обложки «Деды Морозы на улицах Ленинграда». Фото А. Дроздова

На 3-й странице обложки — «Следопыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова

На 4-й странице обложки «Не обижай маленьких!» Плакат В. Меньшикова

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

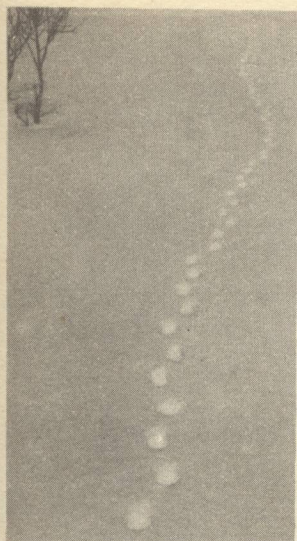
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Турчин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 5.12.84. Подписано к печати 21.01.85. М-17512. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,65. Тираж 60 000 экз. Заказ № 753. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

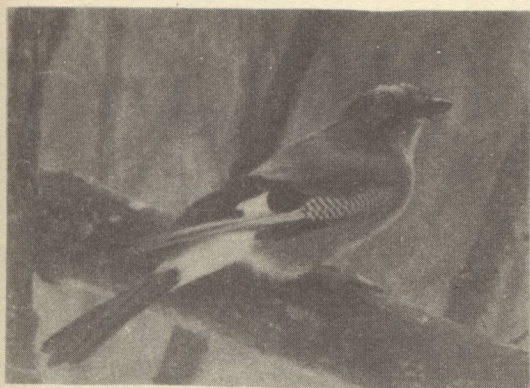

Следуют,
или
тропинка
в лес

1.
Побежала...
рано
утром в лес.

2. Видит какие-то непонятные
следы на снегу.
Это ... на снег сели.

3. Начала их ...
выслеживать,
но тут её сама ... выслетрела.
И давай на весь лес кричать.

4. Услыхала её ... —
начала помогать:
„Пинь, пинь-черрр!“

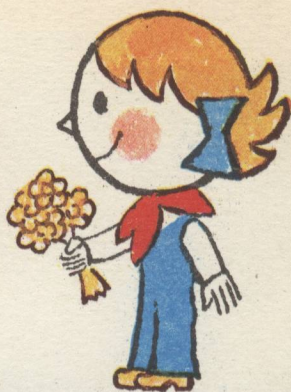
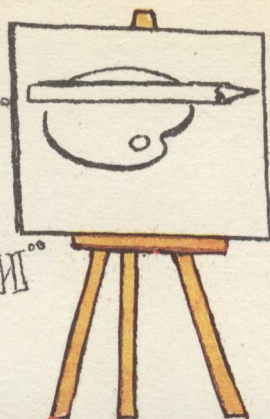
5. Услыхал ... — тоже
присоединился: „Ци, ци-гей, гей!“

6.
Насторожились
... —
тревога
в лесу!
Вытянулись,
головками
завертели,
увидали ...
и улетели!

6-3

БОЕВОЙ
КАРАНДАШ
В
ГОСТЯХ
У ШКОРКИ

ИНДЕКС 73735

ЦЕНА 20 КОП.

-ЗАЧЕМ ОБИЖАЕШЬ МАЛЕНЬКИХ?